

Carina Topolina

Обеспечить возрождение

повесть

Жил-был на свете один человек.

Он носил длинные волосы и бороду, потому что служил священником. За многие годы он стал совсем-совсем седым. Ведь служил он с самого молодого возраста.

Судите сами, если лет в двадцать он уже женился и сразу же был поставлен дьяконом.

Дьякон из него был не очень. Голос жидковатый и очень высокий. На верхах он дрожал и дребезжал. И было это очень трогательно — как будто он сейчас расплечется под действием Божьей благодати. Но только вот местного архиерея это совсем не умиляло. Услышав такое на праздничной литургии, которую он возглавлял в день рукоположения, владыка брезгливо скривился. Сжав посох, он властно и сурово проговорил: «Этого надо поскорее из дьяконов убирать! Сразу после сорокоуста чтоб!»

Бедный дьякон краснел от стыда. Два года в семинарии, многие годы на клиросе, поездки с хором... даже казачьи песни ай как пел! — а тут на тебе... Всё так коряво.

И картавость портила дело.

После службы в день его дьяконской хиротонии все пошли трапезовать. Владыка, изображая удивление, нарочито озирался. «А хде же наш диАкон-евъей?» — ухмыляясь, говорил он иподьяконам. Они покрякивали от удовольствия.

— Ну, иди сюда, уважаемый!

Дьякон подошёл. Походка у него была стремительная, но неуклюжая. Словно птица скачет на своих тонких лапках, склонив голову, так отец дьякон пересекает церковный двор. Подрясник свистит на ветру и болтается на нем, как на вешалке.

К тому же, во всём его облике было всё то, о чём шутил архиерей. Длинный нос с тонкой переносицей и горбинкой, от больших крыльев которого шли к

уголкам тонких губ две суровые линии. Огромные карие глаза сверкали из-под тонких черных бровей. Бледное, чрезвычайно худое лицо окружали черные разметавшиеся волосы. Длинная борода, как у подвижников древности, прятала совсем еще юношеское лицо.

— Хм, какой шустрый! Молодец! Будет с тебя толк! Только есть не забывай! А то ветром унесет, зилот!

И поели они в тот день и выпили. Архиерей уехал довольный.

Прошли дни сорокоуста, а потом собрал наш дьякон облачение и отправился опять к своему владыке — в другой храм, где его в тот же день сделали священником.

На трапезе владыка, опять-таки за едой и питьем, рассуждал о возрождении Церкви. О том, что молодые и сильные должны это возрождение обеспечить трудами рук своих и многими лишениями. Так и сказал: обеспечить возрождение.

Через несколько дней был готов указ о назначении молодого батюшки настоятелем на приход. Семинарию закончить было не суждено. Но это пустяк!

Увидев в указе место своего назначения, пошатнулся наш отец Георгий.

«Как же так? — мелькнула в голове страшная мысль. — Неужто я Дуню мою туда повезу? Нет... это делать нельзя... Так что же?»

Снова смотрит в указ, как сквозь пелену. Потом на секретаря епархии. Но тот отвернулся, делая вид, что его тут нет.

«Решением Нашим... и пользы ради церковныя... Вы назначаетесь настоятелем Михайловской церкви села N и обязуетесь прибыть на место служения не позже, чем через 15 дней».

До разрушения церковка была весьма затейливой постройки. И теперь ответственность за восстановление памятника архитектуры легла на плечи двадцатилетнего батюшки тяжелым грузом.

Но только он не боялся испытаний. Засучив рукава, молодой ревнитель принялся расчищать четверик от мусора и разнообразной растительности.

Вечером он ощущал себя столь же усталым, сколь и счастливым. Ведь ему святое дело поручено, и оно двигалось вперед, хоть и медленно.

С местными батюшка ещё не говорил.

Приходя к тамошнему, единственному в своем роде, магазинчику, он наклеивал рядом на фонарный столб расписание служб, написанное карандашом от руки мальчишеским почерком. Буквы он по многу раз обрисовывал. Получалось очень интересно. Службы пока что проходили в домушке, где он поселился — за ширмой. Веревка шершавая, а на ней — две простыни с вышитыми на них вкривь и вкось крестами, вот и всё.

Пел и читал батюшка. А больше не было на этих службах ни души.

Возле магазина обыкновенно собирались сизолицые граждане курить самокрутки с махоркой и пить водку.

— Шо, попик, тяжко?! — смеялись они, давясь от кашля. Их отекавшие глаза слезились от дыма и хохота.

— Ничего, с Божьей помощью, — хмурился отец Георгий. — Приходите помочь в деле восстановления церкви.

Он взмахивал рукавами рясы, приляпывая объявление к столбу клейстером. На нём поверх рясы была жилетка, сделанная из ватника с оторванными рукавами. А на ногах — резиновые сапоги, надетые на шерстяные носки.

Приладив объявление, батенька убирал банку с клеем в сумку, сшитую из ветоши, вместе с облезлой кисточкой. И шёл внутрь магазина купить себе гречки, масла растительного, хлеба и сахара.

Есть ему особо было нечего. В основном он подкреплялся чаем с сушками, которые изрядно пахивали плесенью. Спустя несколько дней он полюбил эти скромные одинокие чаепития. Очень хотелось есть, поэтому он сыпал в старинную, со сколами, трещинами и потертостями, фарфоровую чашку побольше песку, то есть сахару, как его здесь называли.

На вторую или третью неделю, оглядев его с ног до головы, продавщица в магазине всё-таки спросила:

— А вы правда батюшка?

— Ну да, — буркнул он в ответ, стесняясь, — можно мне килограмм гречки, а?

— Натe вoтa, ужe в кулѐчкe, — сkазaлa oнa, выклaдывaя тoвaр нa вeсy. — Кaк рaз килo... Дык чo, — oнa нaклoнилaсь в eгo стoрoну и пeрeшлa нa пoлушѐпoт, хoтy бoльшe нe былo никoгo, — здeсь oстaeтeсь?

— Пoкa дa. A тaм — кaк Бoг дaст... Ну, вы этo... пpихoдитe тoжe. Пoкa в дoмикe службy, нo... бyдeм нaeдeться...

Он пoлoжил нa блyдeчкo дeньги бeз сдaчи и срaзу ушѐл.

«A всѐ-тaки пoлнye жeнщинy, гpyбye нa вид, oбычнo дoбpыe,» — пoдyмaл oн.

Нa слeдyющий дeнь, пoвoзившись с yтpа в чeтвeрикe, бaтyшкa пoшeл дoмoй пoпить чaю. Вoзлe кpылeчкa eгo ждaлa кaкaя-тo бaбyлy. Нa вид eй были вce 90 лeт.

— Здрaвствyй, сынoк... я тe тyт этa... яичeк дoмaшних пpинeслa. Пoeшь вoт хoть...Ты из гoрoдa... чaй. нeпpивычнaй к нaшим-тa дeлaм...

«Ишь кaкaя бoдpая», — пoдyмaл yстaлo свyщeнник. A eсть oчeнь хoтeлoсь.

Он пoдoшѐл, oткpыл двeрь, a бaбyлy — юрк! — и в дoм.

— Ну, шo тyт y тeбe... Хoспoди... — oнa oткpывaeт зaслoн стaрoй рyсскoй пeчки, нaчинaeт с гpoхoтoм дoстaвaть oттyдa стapыe кaстpюли, чyгyны, скoвopoдки.

— A жaнa-тo y тeбe хдe?

— Кaкaя жeнa, мaть? — вcпылил нaш гoрeмычный. — Кyдa eй? Здeсь жить? Тeм бoлee, чтo и службy пoкa тyт жe, вoн — зa зaнaвeсoчкoй... Нe мeстo для сeмeйнoй жизни. В гoрoдe oнa, дaлeкo oтсyдa... Пoтoм... Нe дo этoгo сeйчaс...

— A... пoнyлa, — гoвopит бaбyлy, oтстaвляя в стoрoнy кoчepгy. — Знaчит, зaбoтиццa зa тoбoй нeкoмy...Ты бaтyшкa, штoлe?

— Дa, — oтoрoпeлo oтвeтил oн. Нeужeли eщѐ нe пoнyтнo?

— Oй, Хoспoди... — дoнeслoсь в oтвeт сoчyвствeннoe вoздыхaниe.

— Бaбyль, я yхoжy... мнe oпять в хрaм нaдo...

— A, нy иди... я здeсь пoхoзьяйничaю нeмнoгo.

Разворачивает газеты, целый большущий сверток. А там!.. — вареные яйца, граненый стакан, закрытый сверху марлей слоев в десять и перевязанный нитками... полный густейшей сметаны. А ещё: сливочное масло в бумажке. По бокам лежат аккуратно сырые яйца. Их бабуля кладёт в авоську, извлеченную из кармана.

— На вот, — говорит, — под потолок повесь... Вона у тебя тут крючок, гляди...

Из потолка и впрямь торчал крючок. Раньше на нём висела люлька детская, а теперь повисла авоська с яйцами от бабулиных курочек-рябушек.

Посмотрел он на бабулю. Замотана она в тряпье какое-то, на ногах — калоши чуть не 45 размера, как лыжи — поверх шерстяных носков. Сверху: ватник грязно-желтоватого цвета.

Вздыхнул батюшка и пошел опять в церкву трудиться.

В тот вечер он нашёл дома, на лавке в кухоньке, вычищенные песком и содой и вымытые студеной водой из колодца, чугуны и кастрюли. В сковородке на плитке была яичница, посыпанная сверху крупной солью. На блюдечке на столе: маринованные огурец и помидор. И печку бабка истопила. Внутри же стоял самый большой чугун с гречкой — батя ее потом три дня ел и похваливал.

Потом, мало-помалу, о батюшке узнали другие селяне. На крылечке он находил передачи со съестным: сухари, мёд, хлебушек домашний, иногда печенье и заварка в бумажках.

Дикие люди были, непривычные. Но потихоньку перестали его бояться, и настал день, когда двое сизолицых пришли к нему в церковку и спросили:

— Батя, может помочь чего?

Оказалось, их жёны послали.

А сами пришли потом и принесли записки на помин, накарябанные причудливо на клочках бумаги, в основном оберточной. И даже на литии постояли. А несколько бабулек пришли на службу помолиться в ближайшее воскресенье.

Батюшка уже не был голодным и таким одиноким. Ощущение пропасти, готовой поглотить всю деревушку вместе с церковкой, у него под грубым и вылинявшим подрясником, в котором он работал — исчезло.

Однажды, курсируя между домушкой, где его поселили, с обстановкой частично начала двадцатого века, частично — эпохи коллективизации, и своей церквушкой, вокруг которой уже всё было готово к строительству, — он даже посмотрел на небо. На лес невдалеке. Так красиво... Раньше и не замечал. В голове вдруг зазвучала музыка Баха. Второй фортепьянный концерт. А потом Рахманинов.

К чему бы это? Музыка ведь вроде вся осталась у него дома, так далеко отсюда...

Там был проигрыватель из детства и стопка любимых пластинок. Здесь было не до музыки, но, когда она вспомнилась, он обрадовался её присутствию внутри себя.

Ему хотелось иногда взмахнуть руками, как дирижер.

Когда он был в рясе, то издалека походил на тощую черную птицу с большими крыльями, стоило ему только немного пошевелить руками. Но все уже знали: то «батяня наш».

Однако постепенно ему становилось всё сложнее — силы иссякали. Он видел, что таким макаром ему дальше уборки вокруг руин и зачистки их от растительности не уйти.

Накапливалась усталость, и давило одиночество. Он старался не думать, не думать не только о себе, но даже о жене. Но ему уже очень хотелось попросить кого-нибудь из ближайшего города помочь. У него-то тут — глухо.

Кто не пьёт, тот немощен. Народу в деревне — всего ничего. И кроме них не бывает здесь никого из города. Да и неудивительно. Вместо дороги — полоса глубокой жидкой грязи, по которой и на тракторе не проехать.

Где в такой глуши брать деньги на восстановление храма? Для кого его строить?

Задумался молодой батюшка, сидя в одиночестве в своём домике. Опершись на кулак одной руки, постучал пальцами по старому деревянному столику, изъеденному жучком.

Глянул в окошко.

За ним шелестела на ветру почти в его рост трава и заглядывали в форточку корявые веточки старой яблони. Где-то кричали петухи, лаяли собаки, блеяла коза, каркали вороны...

А на душе было тревожно, пусто и неуютно.

Вздыхнул он и отодвинул от себя сушки в эмалированной побитой миске с цветочками оранжевого и синего цвета.

А чай его остывал. Шмыгнул носом отец Георгий и поднес наконец чашку к губам. Чай был едва тёплым к этому времени. И внезапное воспоминание пронзило его... Тёплые и нежные губы молодой супруги... Они так же пахли чаем!

У них так было заведено в доме — вместе пили чай. А потом они вдвоём, потихоньку сбегаая от домочадцев, отправлялись через большой огород с высокими, покрытыми снегом, грядками — к яблоням, вишням и сливам, в старый сад.

Под их ветвями они прятались от всех. Говорить не хотелось. Они даже посмотреть друг на друга не решались.

Какой уж там медовый месяц... Но под сенью кривых ветвей, спутавшихся между собой, он крепко, отчаянно, как в последний раз, обнимал свою жену.

До свадьбы они виделись дважды. Как в девятнадцатом веке! После венчания провели вместе около двух недель.

И вот уже готовились к тому, что скоро он уедет.

Как ему хотелось расплести её толстую золотистую косу и спрятаться в волосах красавицы, пахнущих солнцем и теплом, хотя вокруг ещё было полно снега.

Надвигалась страшная неизвестность... Положив голову ему на плечо, молодая жена беззвучно плакала. Руки у нее становились горячими и

слабыми, дыхание сбивалось от слёз. Он был в отчаянии, потому что не знал, как её защитить от этого горя. Тогда он принимался целовать ее лицо, руки. Он сам плакал и клялся, что всё будет хорошо. После долгого поцелуя она затихала, как птичка, издергавшаяся в силках, становилась совсем беспомощной и бессильной в его руках.

Чтобы беспардонная родня не обнаружила их здесь такими, молодые скорее вытирали слезы. И взявшись за руки, они брели назад к своему дому, уже стыдясь своих чувств...

Отец Георгий встал и резко отдалился от стола. Осмотрелся, словно искал кого-то, кто готов был его пристыдить... Это уже было! Знакомое чувство.

Однажды он уже испытал его. Случилось это далекой весной, когда воздух был прозрачен и чист, но по-прежнему очень холоден. Повсюду были моря талой воды, и галдели птицы. Сделав уроки наспех и кое-как, он убежал из дома, чтобы помечтать. Ему нравились отражения неба, леса и облаков в огромных лужах. В пойме реки вода заливала всё и уходила в лес. Он проходил мудреными тропинками, перепрыгивая с кочки на кочку. Иногда присаживался на них и рисовал, боясь забыть, как именно падал свет в эти мгновения, какой формы были облака. Больше таких не будет, ему хотелось запечатлеть все... и от невозможности этого он плакал, иногда в голос. Рассказать кому-либо об этих переживаниях казалось ему невыносимым. И он научился молчать.

Гошенька возвращался домой усталым и задумчивым. Тетя Валя, папина суровая жена, смотрела на него сердито.

— Опять шлялся-шатался? — спрашивала она.

В старой сумке, сшитой из ветоши, вместе с крошками от хлеба лежали его угольки и карандаши. А еще маленький складной ножик, чтоб их точить.

Он мечтал об акварели и цветных карандашах, но их у него не было до самых старших классов.

Но зато ему и цвета исказить не приходилось. Вместо этого он обозначал каждый цвет оттенками серого и черного, штрихами, понятными только ему. И четко помнил, как это выглядело «в жизни», до зарисовки.

Рисунки он складывал в сумку. И по пути домой они всегда облипались хлебными крошками. Хлеб он брал из дома, чтобы выдержать долгие прогулки. Но ел всегда уже по пути домой. Оставались крупные крошки, похожие на хлопья снега. Потому что хлеб был домашний, его пекла тетя Валя. А рисунки были нарисованы на разных клочках бумаги, которую он выпрашивал у всех знакомых подряд. Знали его все, потому что он был младшим сыном местного дьякона. Когда он родился, тому было уже 55 лет.

Потрепав его по голове, ему, в ответ на нескончаемые просьбы и даже просто так, совали бумагу. Во всех возможных видах. Некоторые клочочки были совсем желтые и ветхие, замызганные, загаженные мышами и тараканами. Но он знал, как использовать и их. Он рисовал, рисовал, рисовал. Так и только так жизнь обретала смысл.

Дома он был чужим. Чувствовал это, но не знал, как сказать. Когда рисовал — это гнетущее чувство исчезало. Он ощущал радость и свободу, легкость в душе.

Но дома он был ужасно одинок.

Тётя Валя, папина жена, всегда с суровым видом хлопотала по дому.

Два старших брата — её сыновья — уехали работать на угольных шахтах сразу после армии. Ещё две сестры — самые старшие — давно не жили дома. Они несколько лет как ушли в монастырь. Но именно их тетя Валя считала «путёвыми».

А он, самый маленький и бестолковый, вечно ей мешал. Братьев она тоже называла бестолочами, но они теперь не слышали этого.

Только папа был всегда ему рад, но он почти не бывал дома. Служил он редко, а в остальное время работал — ездил в город.

Когда он всё-таки приезжал домой — от него пахло машинным маслом и водочным перегаром. Но это не портило встречи.

Они прятались от тети Вали в сарае, где вдоль трёх стен висели поленницы до самой крыши, сидели на пнях и говорили. О том, что надо обязательно делать в жизни что-то особенное, необычное. О композиторах, художниках, музыкантах и поэтах.

Его отец прекрасно рисовал, превосходно разбирался в математике, читал в любой жизненной ситуации, и очень любил рисовать и слушать музыку. Он вообще очень любил жизнь, любил громко петь и танцевать. А жену его, тетю Валю, это приводило в ярость. Еще мастерить он мог как никто в селе — из любых материалов. Это как раз жену устраивало.

Он никогда не говорил о работе, не жаловался. Он выжил в страшной войне и учил сына быть смелым и радоваться жизни. Но он видел, что это может не получиться.

Даже его жизнелюбия и смелости не хватало, чтобы побороть постоянно нарастающую ярость жены. Поэтому только пьяным Гошин папа бывал оживленным и смелым. И то не всегда. Стоило ему сделать хоть что-то поперек воли жены — она на две недели погружалась в мрачное молчание. Ее гнев повергал в оцепенение даже дворового пса Мишку. Он сидел в конуре и тихонько поскуливал от страха. Про остальных и говорить нечего.

Когда сын подрос, отец дьякон стал бригадиром и получал премии. С них он обязательно покупал что-то в городе сыну. Карандаши, альбомы, краски, которые очень быстро кончались. Потом были три памятных подарка: гитара, радиоприемник и проигрыватель с несколькими пластинками.

Это всё делалось вопреки растущему недовольству супруги. И с какого-то дня Гошин отец вообще больше не приходил домой трезвым.

Гошенька, по совету отца, всегда прятал свои рисунки так тщательно, как только мог. Словно на них были изображены постыдные вещи, а не облака, лес, деревья, дорога, домишки и река. Он хотел бы, чтобы не нужно было прятать, но не хотел злить тетю Валю. Он видел, что ненависть жены отца сильнее их обоих.

И поэтому ещё совсем маленьким стал просто уходить. На весь день.

Бескрайний луг, на который он подолгу смотрел с холма, пасущиеся на нем лошади, козы и коровы. Немного левее — немногочисленные домики, смотрящие окошечками на старую деревянную церковку. А крошечные окошки её алтаря как бы украдкой смотрели в противоположную сторону — туда, где лес, где река. А что за ними? От мыслей об этом сердце сжималось, и по телу пробегала странная дрожь, что ужасно нравилось тогда ещё маленькому мальчику Гошеньке.

Он мечтал уехать с отцом и не жить с тетей Валею. Но без этих мест он не мыслил жизни. И отец, видимо, тоже, думал он, не сможет жить без этой красоты.

...Однажды, убирая дом к Пасхе, тетя Валя нашла Гошин давний тайник в сарае в углу между поленьями. Дневники, вместе с рисунками и нелепейшими стихами. Этот день перевернул его жизнь, и в ней появилась не то что определенность, ясность, а почти обреченность.

Он как раз шел в сарай, чтобы спрятать очередные записи и рисунок, и увидел, что тетя Валя вытащила всё из той старой ветхой папки с веревочками и надписью ДЕЛО N, куда он аккуратно складывал последние свои стихи, ноты и рисунки.

Их он даже отцу не показывал. А раньше всё отдавал ему, и отец уносил к себе и запирали свою комнату на ключ, уезжая в город.

Просто у Гоши появились тайные от всех мечты. И он так глупо доверил их сараю! И теперь видел, что лицо тети Вали перекошено от ненависти... Вдруг он ощутил в себе огромную силу и желание разорвать ее на куски.

Она явно желала сделать то же самое с ним.

Увидев его, она резким движением отшвырнула от себя всё разом. Рисунки полетели на пол. Слов тети Вали он разобрать не мог. Ему показалось, что он уже умер. Крик застрял у него внутри, и он плашмя упал на пол, закрыв собой своё добро. И лежал так долго...

Потом тетя Валя пришла, и уже тихо, но с ненавистью сказала, наклонившись над ним:

— Вставай, выблядок, — сказала она. — О большой любви мечтаешь, стишки пишешь, нотки рисуешь? Вы оба одинаковые — ты и твой папаша! Любители высокого! Пусть твой художник-отец расскажет, с кем тебя прижил!

Он ничего не понял из этих слов. Но понял, что сегодня узнает всё.

Собрав кое-как свои бумажки, он молча ушёл, и бродил до вечера далеко, у реки, в которой и утопил в тот вечер все свои мечты от горя и обиды.

Он издали смотрел на свой дом, казавшийся ему теперь враждебным в сумерках. Ждал, когда увидит свет в комнате отца. Вечер пятницы — он должен вернуться.

К сожалению, больше никогда уже не суждено было Гоше увидеть мир глазами детства. Оно рухнуло в тот далекий вечер. И от этих руин он сразу же взял за правило держаться подальше.

Тогда окно в комнате отца всё же засветилось. И Гоша, увидев это, побежал к дому.

— Где ты ходишь?! — всплеснул руками отец. — Мать, поставь чайник.

Тетя Валя поджала губы, и, недовольно взмахнув кухонным полотенцем, которое было в руках, набросила его на плечо.

По этому жесту и голосу отца Гоша понял — отец выпил больше обычного. А значит — не защитит его. Слово «выблядок» так и останется его клеймом?

Ему стало страшно, как днём, в сарае, когда между ним и сырой землей была только тоненькая прослойка из помятых листиков бумаги с рисунками, стихами, нотами. Впервые в жизни он нарисовал девушку. Раньше и не пробовал... А тут...

Набросал миниатюрный овал лица с крошечным подбородком, маленькими губками, которые он постеснялся прорисовать... Из копны волос, нарисованных очень старательно, смотрели два огромных серых глаза, очерченные сверху кукольными бровками. Они словно смотрели на него всегда — но откуда-то из другого мира, где всё будет иначе...

Каким маленьким и ничтожным он показался сам себе! Кто-то очень сильный, наглый, безжалостный и насмешливый хочет столкнуть его в могилу и зарыть заживо. Он забыл все молитвы, все радости, даже своё имя...

Нет! Отец Георгий больше не хотел вспоминать. Зачем снова мучить себя?

Тогда он стыдился своего рождения от папиной неосторожной любви, к которой он тоже теперь привязан словом-клеймом. Стыдился он и своей мечты, которая, кстати, сбылась! А теперь вот он стыдится того, что ему

хочется ее, уже сбывшуюся — сберечь. Несмотря на указ, бросить всё и вернуться к жене. Это казалось единственным выходом.

Сейчас Дуня жила у своей матери, как до замужества. И ему было страшно — вдруг мать наговорит ей всякого? Она была против их брака. Хотя это мягко сказано — не просто против. Она ненавидела зятя.

«Богу я смогу послужить и там... Или сюда ее везти? Что делать?..»

Ужасные мысли жужжали в голове, одна вылезая из другой, как гнусные мухи. Он схватился за голову. Выскочил на улицу.

Серые облака скребли пухом торчащий зубцами по краю горизонта лес.

И отец Георгий не пошёл снова работать возле церкви. Вместо этого он накарябал записку и оставил ее на двери своего домушки. Там говорилось:

«Уехал срочно в город. Не ищите, не беспокойтесь. Дела есть».

Собрался — благо, дело это было нехитрое.

Скоро он уже шёл вдоль «жидкого шоссе», как он называл в шутку местное подобие дороги.

Идти было — через поле и лес — около двух часов. Потом долго ждал автобуса на повороте. В городе, с автостанции, он пошёл на вокзал и там, кое-как приютившись, провел время до утра. Он был в рясе, поэтому его никто не трогал.

А утром ходил в монастырь к литургии, и после службы, где даже подобия молитвы он из себя выдавить не смог, сразу подошёл к монаху за свечным ящиком.

— Здравствуй, брат... я это... к владыке нашему... мне бы поесть...

Монах посмотрел на него с досадой, но в трапезную проводил.

— У кого благословиться можно? — крикнул он, открывая дверь в трапезную.
-Человеку поесть надо.

— К отцу Пахомию загляните, он на складе, — донесся с кухни немолодой женский голос.

Отец Пахомий — видимо, эконо́м — был в небольшом помещеньице. Что-то вроде сарая, только из новых досок. Внутри всё сплошь забито свечами. До потолка.

Они, свечи, пахли по-особенному. «Вот люблю я это», — подумал отец Георгий, глубоко вдохнув аромат свечного склада.

Увидев пришельца в компании хмурого монаха, отец Пахомий — круглый невысокий человечек с седой бородой — улыбнулся хитровато, но довольно добродушно.

— Ну, иди, поешь, отец... Во славу Божию!

Он и поел, жиденький супчик и картофельное пюре с квашеной капустой и кусочком трески, хлебушек в нарезку.

Потом пешком отправился в собор, возле которого, в так называемой резиденции, жил владыка.

Это было здание бывшей лечебницы, а напротив — епархиальное управление (раньше там была богадельня). Такое историческое прошлое служило поводом для повторяющихся шуток архиерея про немощи душевные и телесные.

Иподьяконы побрякивали, ризничная и казначеи — ахали и охали.

С гадливым чувством на душе приближался отец Георгий к этим зданиям. Но делать было нечего. Владыка оказался тут же, во дворе. Он прогуливался по тропинкам между клумбами, за которыми пристально следили сестры милосердия. Вид у него был скучающий. От нечего делать он разглядывал цветы и что-то напевал, поглаживая солидную бороду...

Увидев молодого бойца, генерал духовных войск несколько оживился и хмыкнул с деловитым выражением на лице. Надо сказать, владыка был достаточно благообразен. Волнистые, аккуратно уложенные назад волосы поседели ровно, красиво и благородно, оставаясь густыми. Борода пышная, но ухоженная. Сияющее блеском и румянцем лицо, белоснежная, благодаря лучшим эскулапам, улыбка. Выразительные брови и круглые, словно у совы, глаза под седыми пушистыми ресницами смотрели с неизменной хитрецой и насмешкой. Они, правда, были всегда немного мутноваты, что могло подпортить впечатление. Но во время чтения молитв стоило его

высокопреосвященству в печали за паству приподнять брови домиком — тут же возникало впечатление, что очи его затуманены от слёз о несчастных — скорбящих, болящих и озлобленных.

А лишний вес впечатление не портил: ясное дело — возраст, труды, диабет.

— Приветствую, владыка, — еле слышно произнес отец Георгий, подходя.

-Ха!.. Ну, привет, орлёнок, который учицца летать!.. — громыхнуло в ответ весело и раскатисто.

«Видно, веселит владыку мой вид», — подумал отец Георгий. Его пробила дрожь — не то от волнения, не то от обиды.

Его голос колебался, точно как в день хиротонии. Отец Георгий сердился на себя за свою трусость и ничтожество.

— Владыка, — произнес он еле-еле, как-то на вдохе. — Я приехал, чтобы лично сообщить вам...

— Что сообщить? — насторожился архиерей.

— Владыка! В Михайловском приходе я сделал все, что мог! Благословите на другое послушание...

— Погоди, — сразу же перебил владыка, снова коснувшись своей пушистой бороды. — Это как? Уже всё сделал?! Да мы тебя несколько месяцев, как туда отправили! Тебе там с семьёй жить... что? Уже всё сделал, всё готово?!

— Владыка...

— Я тебя спрашиваю, — вспылil генерал духовных войск, — чего ты мне владыкаешь-то?! Я своё отстроил! Чего «владыка»?!

— Вы же сами всё знаете... — задыхаясь от страха, сказал отец Георгий.

Он знал — ему не достать до этого человека. Даже если сложить в стопку все библии мира, не достать ему до него! Нет, ничем не пробить стену между ним и этим большим, уверенным в себе, таким сытым и важным...

Земля опять завертелась под ногами. Жизнь, казалось, в который раз летит ко всем чертям. Неужели Бог на стороне сильного, но ничего не смыслящего?!

— Владыка, у меня жена всё это время за тыщу километров... и туда я её не привезу. Она не выживет в этой глуши, там вымирает всё... не для кого

строить... Вы лучше меня знаете! — внезапно зазвенел его голос, как будто со стороны — он стал чужой и странный от отчаяния.

Тогда владыка улыбнулся, сменил тон и даже засмеялся, как дед мороз на детском празднике.

— С деньгами, брат, везде хорошо жить можно! — изрек он.

— С деньгами? — разинул рот наш горе-новобранец. — Дык их там нет ни у кого! Там вообще и жителей-то скоро никого не останется...

Владыка опять закричал, уже откровенно со злобой:

— Так что же ты?! Стал попом и думаешь, деньги тебе сразу все нести будут?! Это ты иди! Ты ищи людей! Ты ищи деньги! Выполняй, то, что тебе Церковь поручила! Церковь, а не я, понял?! И нечего приходить сюда и ныть! Всё! С Богом!

— Благословите, — почти прошептал священник.

В ответ владыка сделал в воздухе крошечный благословляющий жест и тут же устало опустил руку. Словно после этого его покинули последние силы...

Отец Георгий поспешно отправился в соборный храм через дорогу. Он представлял раздосадованный взгляд владыки, летящий ему в спину. Опустив глаза, он видел свои бедняцкие грязнущие ботинки, заляпанную в дороге грязью помятую рясу. Его вылинявшая курточка на рыбьем меху — из простынной такой ткани серого цвета с проржавевшими на ткань кнопками, была расстегнута. Простенький крест болтался на цепочке, как маятник. Сердце колотилось так, что вполне могло бы проделать дыру в тощей груди.

Отвращение и жалость к себе, одновременно переполнив все его существо, заставили отца Георгия шумно шмыгать носом и откашливаться. И не было никого, кто мог бы понять и пожалеть. Здесь все были чужими.

В соборном храме царил тьма. Он с трудом отыскал взглядом образ Богородицы Одигитрии (Путеводительницы).

«Жаль, Взыскания Погибших нет здесь», — подумалось ему.

И вспомнилось: «Всех Скорбящих Радосте, и обидимых Заступнице, алчущих Питательнице...»

В голове поплыл светло-голубыми, убаюкивающими волнами, тропарь (он же стихира), так любимый им, но забытый в последнее время в суете и тяжелых мыслях. Потом в голове зазвучало: «Умягчи наша злая сердца, Богородице, и напасти ненавидящих нас угаси и всякую тесноту души наша разреши...»

Он сел на лавчонке в темноте и прислонился спиной к прохладной стене. Поднял глаза. В главном приделе, под куполом, в оконца, расположенные по окружности, щедро лился свет, который не проникал сюда, в темную внутренность храма...

Нет, конечно, архиерей не ненавидит его. Зачем ему это? Совсем не нужно. Но, с другой стороны, явно, что ему, как начальнику над такими, как он — было всё равно.

«Господи, хоть здесь не видно моего жуткого вида!» — подумал отец Георгий, вспоминая своё только что завершившееся неудачное печалование перед владыкой.

И он заплакал. Ему так хотелось сейчас теплых рук, нежных объятий... уткнуться в шею своей брошенной так далеко жене... И никогда, никогда больше не оставлять её.

«Правильно владыка сказал, — вытирая слезы рукавом рясы подумал отец Георгий, — я нытик, нытик и козёл!»

Он решительно поднялся и пошел к Распятию — Голгофе.

Упал на колени перед Распятием...

«Я не поступлю как отец, никогда! — подумал он. И тут же осудил себя: — Прости, Господи, и упокой его душу... Даже здесь я осуждаю отца. А сам... а сам я ничто».

Он поднялся с колен и направился в главный алтарь.

Там, за дьяконской дверью, возился седенький маленький старичок. Он знал отца Георгия, потому что его иерейский сорокоуст проходил именно здесь. Это было как будто очень давно... Странно.

— Здравствуй, дядя Толя... — сказал он, благословляя седины, пропахшие ладаном. И сразу ему полегчало. Теперь дядя Толя поднялся с колен — он

утюжил газету, сложенную в несколько раз на полу, — выводил воск со старенького ковра в алтаре.

Медленно и аккуратно делал своё дело дядя Толя. Отец Георгий раздражался на него во время сорокоуста, но теперь старичок казался ему родным и милым человеком.

— Как ты, батя? — проскрипел тот, светло улыбаясь, и тут же выключил старый утюг, которым возил по газете.

— Да ничего... Приготовь всё для литии, хочу помянуть отца...

Они включили электроплитку и положили на нее уголек.

Отец Георгий смотрел на него... Пошел дымок. А перед его глазами опять поплыла грустная и тревожная синева страшного вечера, когда все жгли костры, и сквозь этот дым он бежал навстречу страшному разговору со своим отцом.

Он оскорбился тогда, увидев его пьяным. Почему он оказался не готов к этому разговору? Почему скрывал от него столько лет?

На глазах у привычно суровой супруги отец неуклюже повернулся, доставая из кармана ключ от своей комнаты. Он сходил туда и пришел обратно. Подошёл к сыну.

— Сядь.

Гоша сел в старое, глубокое кресло. Отец наклонился над ним, дыша алкогольными парами. В руке он держал небольшое фото, которое поднес к лицу сына, задев его щеку.

— Пааап!

Гоше стало так противно. И жаль отца.

Тетя Валя резко повернулась и вышла. Отец сунул фото ему в руки...

На чёрно-белой фотографии с оторванным уголком была изображена девочка в школьной форме с лентой через плечо и букетом цветов. Выпускница.

— Я не понял... Кто это?

— Это твоя мама...

Он взгляделся в снимок. Мама?

С детства он не знал этого слова-имени.

На него смотрели знакомые глаза... Где он мог их видеть?

Ему стало не по себе. Зеркало у них в доме было старое и мутное. Он лучше знал свое лицо наощупь... и просто не осознал, что девочка с фото смотрела на него его же глазами.

Черные волосы были забраны в два хвоста с бантами, черные брови двумя красивыми линиями очерчивали глаза. Тут он понял:

«Мы похожи... нос — точно... только у меня более горбатый...» — он ощупал своё лицо.

Ему не хотелось больше видеть это фото. Тогда он встал и подошел к отцу, чтобы вернуть фотографию. Тот, покачиваясь, пошел в свою комнату, а тетя Валя была на кухне. Как будто ничего и не было.

На следующий день он собрался и ушёл из дома. Он отправился в город к старшим братьям.

Кое-что ему удалось узнать уже там.

Но ощущение близости чёрной ямы, в которую его вот-вот столкнет неведомая безжалостная рука — росло с каждым днём.

И вот он остался совсем, совсем один... «Моя родная, ты одна у меня, — подумал отец Георгий о жене. — Я должен позвонить сегодня домой, пока я в городе».

Он молился на литии и опять плакал. Но у него всё же не получалось простить родителей. Никогда не получалось. Вот и сейчас — просто было жаль себя и Дуню.

Более того, мысль о том, что он не будет, как его родители — вновь придавала ему сил. Поэтому он больше не корил себя за грех осуждения.

«Сейчас мне нужно вернуться домой... а потом я успокоюсь, и всё встанет на свои места».

Он стоял с кадилом в руке, и душистый дым окружил его теплым облаком.

— Батюшка, — вдруг окликнул его женский голос.

— Да, я вас слушаю, — отозвался он, не глядя на говорившую.

— Мне нужно... за здоровье и за упокой... свечи как поставить?

— Эх, — вздохнул отец Георгий. Разве в свечах дело? Но в руках у неё уже готов пучок. Он начал отвечать.

Как невнятно и картаво звучала его речь с заученными фразами!

— Спасибо, батюшка... у меня сын вот... — продолжила она, выслушав пояснение, — в Москву поехал, там поступать будет... И мама ушла в прошлом году... а я всё никак не могу запомнить, как поминать правильно... простите меня...

— Всё хорошо, — строго сказал отец Георгий.

А сам подумал: «Сын? Поступать?» Но прихожанка не выглядела мамой большого мальчика. Теперь он посмотрел на неё. Правда, мельком.

— Батюшка, мне бы вот дом... квартиру, то есть, освятить... Никогда не СВЕТИЛИ.

— Хм, — улыбнулся отец Георгий. — Если только прямо сейчас, потом я уеду.

— Хорошо, батюшка.

— Вызовите такси, можно из свечного ящика, а я пока подготовлю всё.

Сказано — сделано. В свечном бабульки разрешили мадам позвонить, хотя были недовольны. Но отец Георгий не думал об этом.

Он пошёл алтарь взять кандию для треб, кропильце, требник, кадило, ладан. Дядя Толя помог.

— Я всё верну после освящения. Мне потом в деревню надо...

Это услышала заказчица требы.

— А откуда вы, батюшка? Извините, что спрашиваю...

Они вышли из храма. Такси уже подъехало. Они сели в «Волгу».

— Это не секрет, я в Михайловском храме сейчас настоятель. Ну, как в храме, хе-хе... Там пока разруха. Но, с Божьей помощью...

Таксист сочувственно покачал головой, повернулся и посмотрел на отца Георгия, с интересом.

— А я бы вот очень хотела помочь Церкви! — вдохновенно заговорила женщина. — И папа, знаете... никогда Бога не забывал... И Господь — Он нам всегда-всегда помогает... Это так чувствуется, необыкновенно!

Батюшка не представлял, куда они едут. Но уже понял, что деньги там водятся.

«Вот моя последняя возможность вернуться к Дуне поскорее», — подумал он и снова ощутил дрожь. Откуда такие мысли?

— У вас, батюшка, усталость... и истощение... — услышал он реплику хозяйки квартиры.

Да, наверно, так и есть.

Они вышли из машины. Перед ними стоял четырехэтажный старинный дом с просторным подъездом. Громадные двери, высоченные потолки. Закружилась голова.

— Вы уж не побрезгайте. Я хочу угостить вас... если можно.

— Давайте сначала дело, — сухо ответил священник. Он волновался.

Вот уже отец Георгий рисует кресты на обоях карандашом — на все четыре стороны.

Хозяйка смотрит на него, и он чувствует, что вот сейчас — не выглядит жалким.

— После освящения в доме нельзя пить, курить, ругаться матом... — нараспев заговорил он.

— Ясно, батюшка... Конечно! — улыбается хозяйка.

Хозяйка смотрит на стену и ручкой срисовывает крест со стены в блокнот с котенком на обложке.

— Ой, бестолковая... Батюшка, давайте вы лучше.

Она отдала блокнотик отцу Георгию. Поверх её крестика он начертил свой. Похожий на него — тонкий, красивый...

Внизу написал: о здравии Надежды, Степана. Вырвал листочек и вернул блокнот на трельяж, где стояли флаконы с духами, лежали бусы, косметика и прочие мелочи.

Степан Алексеевич — отец Надежды. Директор самого большого в городе завода.

Это видно по обстановке. Тут отец Георгий снова устыдился — и своего вида, и дурно пахнущих ног, в носках, которые ему даже некому было зашить. Потная ступня прилипла к ковру через дырку.

Он уже весь вспотел под рясой, и ему хотелось провалиться сквозь пол под землю. Но Надежда Степановна словно не замечала ничего этого.

Тогда он принялся разжигать уголь на кухне над газовой горелкой. Пошёл дым, и ему стало сразу как-то спокойнее.

«А то весь дом от меня провоняет...» — подумал он сокрушенно.

Наконец уголь был готов. Он достал из кармана коробок. Это был обычный коробок от спичек, а в нём — ладан.

Плита чуточку испачкалась углем, священник этот уголь взял маленькими щипчиками. Раньше они были для сахара — старинные такие, а теперь черные от угля. Валялись они у него обычно в кармане рясы или подрясника. Отец Георгий переложил уголь в кадило, сверху аккуратно пристроил кусочки ладана.

— Стойте и дуйте легонечко, — сказал он и, ничтоже сумняшеся, вручил кадило хозяйке. Она оторопела.

— Как?

— Да держите за цёпочку сверху, и всё! Надо несколько минут... Можно я пока от вас жене позвоню? — осмелел он.

— Конечно, батюшка, всё, что нужно... — вокруг неё образовалось душистое облачко.

К счастью, Дуня оказалась дома и недалеко. Но трубку взяла её мама. Пришлось ему постороже прикрикнуть: «Мам Тонь, Дуню мне позовите скорее!»

Он оглянулся. Надежда Степановна дула в кадилыце нежно, словно на новорожденное дитя, желая его утешить. И тут он услышал голос жены.

— Родная, привет! Слышно?! Я на тебе в городе, от хозяйки тебе звоню.

— Здравствуй, Гошенька... отец Георгий...

— Да перестань уже! Солнышко, я постараюсь приехать, как только смогу...

— Что владыка говорит?

— Какая разница, милая моя... Там глухо... чего он скажет-то... И так понятно.

Дуня шмыгнула носом в трубку.

— Что же делать? Так и жить отдельно? О, Господи...

Ей нужно было учиться, а денег, чтобы переехать сюда и жить здесь, посещая приход наездами — не хватит... Да и работы там много, на приходе.

— Прекрати, я сказал... Богу служить — это тебе не шутки...

— Да я понимаю...

— Я тебе сказал — всё решу. Поняла?

— Ага, — всхлипнула она.

Он ненавидел себя всё сильнее. Ему хотелось разбить себе голову кадиллом или об стенку с разбега.

Когда он положил трубку, словно рухнуло что-то внутри. Отступить было некуда. Либо он вернется к ней — либо конец их ещё не начавшемуся браку.

Вот и настигла его расплата за желание сделаться особенным. Пойти служить в сане с 20 лет во что бы то ни стало, 2 года семинарии, скоропалительная женитьба... Всё, всё ради того, чтоб резко взмыть в небо с пепелища, которое осталось от его детства. В том, что так сложилась его судьба — виноваты его родители.

Опять те же мысли! Он вздрогнул и перекрестился.

«Нет, я не буду как они... я буду верен словам старца и своим священническим обетам», — опять промелькнуло в голове.

Он служил требу уверенно и бодро. Внутри всё дрожало от резкой перемены настроения. «Сейчас получу хоть немного денег и поеду к Дуне... дальше

решим. Даже владыке не скажу», — думал он, распевая: «Спаси Гоосподи люди Твоя!..»

Батюшка раздумячился и заулыбался. Освящение было закончено, и отказываться от обеда он теперь точно не хотел.

— Садитесь, отец Георгий! Я сейчас всё подам! — сказала Надежда.

Он сел. Она начала доставать из холодильника вкусности. Вскоре кухню наполнили ароматы домашнего супа, подогретого рагу, нарезанной на доске колбасы и свежего хлеба. Хозяйка наклонилась, чтобы заглянуть в холодный шкаф. Приятно звякнули друг об друга бутылка водки и коньяку. Она выставила их на подоконник:

— Ну, вот. Сейчас, батюшка.

Это была довольно высокая, крупная женщина, однако лишнего веса у неё не было. Формы, стать — да. К тому же она была очень ухоженной. На ней был костюм-тройка — шелковая блузка белого цвета, юбка по колени и пиджачок со смешными большими пуговицами под цвет костюма, с перламутровым блеском. Цвет этот был очень странный. Вроде теперь его коралловым называют. Но батюшка понятия не имел о таких вещах. И вообще ему было всё это неинтересно. Он думал о еде, чае и выпивке. Потому что сильно устал и перенервничал.

Надежда подавала на стол. На шее у нее вместе с бусами висела цепочка с золотым крестом и образочком Веры, Надежды и Любви с матерью их Софией — это отец Георгий заметил.

Губы были покрашены — вот это ему не понравилось. Очень старило её. К тому же брови и глаза подведены, ресницы густо покрыты тушью и синие тени. Слишком.

— Ой, я всё в косынке... — вдруг воскликнула она. «Хватит пялиться, неприлично», — сказал он себе.

Она сняла платок с головы одним движением и забросила на холодильник. Там стояла вазочка с сухими розами — одна из. Вообще, вокруг было уютно: картиночки, сувениры, занавесочки, скатерть, шкафчики, посуда. Всё как положено.

Надежда поправила волосы — не очень длинные, жесткие, блестящие, как медная проволока.

«Крашенные, наверно», — подумал отец Георгий, с досадой. Невольно сравнил Надежду с супругой, вспоминая золотисто-рыжеватые, длинные и мягкие волосы своей красавицы.

Правда, он тут же отвлекся на более простые вещи. Ел и пил, вполуха слушая речи хозяйки. Ему нравились её внимательные большие серые глаза, смотревшие на него с добротой и заботой.

После чая с конфетами и печеньем на стол с подоконника перелетели бутылки. Хозяйка достала две стопочки с узорами.

Отец Георгий испугался. Пить он боялся. И не пил ничего, кроме теплоты, и от неё-то пьянел!

Но сейчас он размяк. Надежда говорила о сыне, о маме, о бывшем муже, о коте, о продуктах и приготовлении еды, потом о подругах, общении с ними, о судьбах близких людей.

Это было очень скучно, но так успокаивало. Вдруг он понял, что они выпили уже по три рюмки и пошла четвертая. И тут Надежда заговорила о своём одиночестве.

— Батюшка, очень хочется мужчину! Но после развода боюсь уже и думать... Семь лет так живу, никого к себе не подпускаю... Уже очень тяжело, честно сказать...

Его утомили паузы между словами, и он подхватил:

— Да-да. Тут еще много всего. Опасность в том, что потом можете влюбиться в кого попало от горя... Долго нельзя поодиночке...

— Дык уже долго как... — всхлипнула Надежда. — Батюшка! Помолитесь, чтоб мне Боженька послал кого... Видите, как — у одних есть и не ладится, а у других — вообще пустое место... Не знаешь, что хуже...

— Ну-ну, Надя, не унывайте. Что-то не очень у меня получается, — посмотрев на неё, огорченно сказал батюшка. — Что же делать-то? Ну, мы с вами помолились... Надеемся. Вы же Надежда...

Когда он это сказал, она резко схватила его за костлявую руку, и с чувством сказала:

— Вот только не надо этого — «Надежда Степанна, вы»... ладно? Надоело. Я просто Надя. Хорошо?

— Ладно, — ответил священник, пытаясь освободить руку из большой и мягкой, но сильной ладони.

«Какая взрослая... сколько ей лет? Я чуть старше её сына...»

— И меня не надо на вы, — решительно заявил он, чувствуя, что говорить становится всё труднее. Она снова наполнила их «рюмашечки».

— За нас! — и чуть не поперхнулась. — Ой, Господи! Я ж даже не спросила, как зовут... всё «батюшка»да «батюшка»!

— Хехе, батюшка, да... нажрался тут водки... Гоша я.

— Гоша? Гошенька, ещё коньяк... — затараторила она.

«Мамочки, она трезвее меня в сто раз... Я слабак... Как я уйду отсюда?» — думал он.

— Не надо нам столько пить, — слабым голосом сказал он.

— Гош, Гошенька... Посмотри на меня, а? — она придвинула свой стул как можно ближе к уголку, в который он так уютно засел.

— Чего?

Он пытался смотреть ей в глаза, чтобы понять, что отвечать дальше.

Но всё плыло и ускользало от его пьяного взгляда. Он ощутил ее дыхание, запах духов, шелка, колготок, помады, волос, уложенных средством, крема... Всё это лавиной хлынуло на него, душило и пугало, вызывая тошноту.

Он отшатнулся, боясь, что она станет прикасаться к нему снова.

-Гошенька, ты чего? Боишься, что ль, меня? — спросила она, грустно улыбаясь. Пыталась снова заглянуть ему в глаза.

— Нет! — отрезал он, роняя голову.

— Ну-ка, пойдём со мной.

Она взяла его под руку. Он с усилием поднялся, опираясь на нее. И так она подвела его к раковине.

— Давай, надо умыться.

Он наклонился и закрыл глаза. Теплая, мягкая ладонь умывала прохладной водой его лицо.

— Надя, положи меня спать... Прости, я напился.

— Сейчас... я переодену тебя...

Он хотел что-то возразить, но она накинула ему на лицо сухое, пушистое, пахнущее розовым мылом, полотенце. Вытерла его бороду, шею, куда натекла вода, поправила волосы — они все растрепались.

— Пошли.

Она проводила его до большой, если не сказать — огромной деревянной лакированной кровати.

Он упал на неё и провалился, как в облако. Такими он и представлял облака в детстве.

— Бедняжка, доходяжечка, — сказала Надя. — А ну-ка, снимай свою униформу...

— Облачение не трожь! — вскрикнул он и разметал руки.

— Глупости. Я тебе не позволю спать в этом всём.

Она решительно повернулась в сторону шкафа. Оттуда Надя достала вещи сына для дома.

Она хлопотала несколько минут, и вот наш герой остался в одних семейных трусах.

-Всё у тебя в дырках... Ну вот всё. Эх ты! Бедный родственник.

— Отстань! Чего тебе надо?

— Пошли, сейчас будем играть в буржуя.

Надя умудрилась довести его до ванны и в конце концов уложила туда.

Там он лежал в теплой воде, в пене, а она сидела рядом и в этой пене рисовала пальцем. Потом комок пены положила ему на голову.

Она хохотала.

— Не, ну прально говорят — бабы дуры, — сказал он и тоже расхохотался. Он кое-как выпрямился и сел, и Надя потеряла ему спину мочалкой.

Через некоторое время он увидел себя совсем голым, сидящим на той самой большой кровати в потоке горячего воздуха. Надя сушила ему длинные волосы феном. Напротив было то самое зеркало — трельяж.

— Посмотри, какой ты стал красивый. Хоть на человека похож...

Он посмотрел. Широкая грудь, сильные плечи, но дальше — всё тонкое — и руки и туловище, и пальцы. Тощее и волосатое. Даже шея костлявая.

— Что красивого-то? — почти обиженно спросил он.

— Ты с женой когда последний раз был?

Он закатил глаза и закрыл их.

— Слушай, отстань, а.

— Вот именно. Ничего ты не понимаешь. Ложись спать!

Она толкнула его в плечо, и он повалился на подушки, как мешок с крупой.

Правда, сразу же съежился, как бы желая защититься. Она со смехом закрыла его одеялом с головой. Потом вышла и выключила свет.

«Надо бежать отсюда... бежать... хоть голышом!» — подумал он. И немедленно провалился в сон.

Он не знал, сколько прошло времени. Проснулся, всё еще пьяным, в полной темноте. Проснулся оттого, что задыхался.

Он понял, что не успел убежать. Привычная чёрная яма его несчастий сменилась колышущимся, как море, телом чужой женщины. Она крепко обнимала его за шею, целуя в губы, он задыхался и тонул в этом огромном и невероятно сильном человеческом существе.

Он так и не успел сказать, что еще не знал женщины. Они с супругой договорились отложить это до более спокойных времён. И вот теперь он достался непонятно кому. Пьяным и нагим.

Почувствовав, что он проснулся, Надя перестала его давить и душить. Теперь она заговорила — шепотом и почти плача. Умоляла его не уходить, жалела,

нежила. Он и сам не заметил, как страх исчез. Вдруг ощутил своё тело — своим. По её прикосновениям, как по подсказкам... А ещё он вдруг почувствовал себя красивым, сильным и желанным. И она подчинилась ему, как сильному. Он забыл обо всём, и им было очень хорошо вместе. Он утолил весь свой голод. Ему казалось, что теперь ничего не страшно. Её страхи и одиночество тоже убежали от неё, и Надя заснула, как засыпает младенец, вдоволь напившийся молока. Но первым он провалился в блаженную пустоту. И спал до обеда следующего дня.

Проснувшись, наш герой не смог подняться. Голова страшно болела, даже глаза открыть было непосильно.

Надя уже была при полном параде — макияж, укладка. На кухне явно что-то готовилось.

— Ну что, выспался?

В ответ он застонал от боли. Всё было невыносимо. Запах еды с кухни, её голос, свет в окне.

Она молча принесла ему таблетку и банку с рассолом. Кое-как он осилил всё это принять внутрь.

— Я знаю, что у тебя проблемы, — сказала она тихо, но решительно. Присев на край кровати, Надя поглаживала почти бездыханное тело через одеяло.

— Гоша, я могу помочь. Я могу тебя вытащить... Сделать так, что от тебя с этой деревней отстанут. И вообще отстанут. Ты молодой, глупый... Но ты очень хороший, Гошка. Надо тебя спасать. Давай, короче, приводи себя в порядок. Дело есть!

Его тошнило, голова взрывалась от боли, но он радовался этому. Он понял — пока всё так, там не будет никаких мыслей...

Потом было так: Надя взяла сумочку, положила в неё три пачки денег из своего тайничка. Она сияла. Видно было, что долго в её скучной жизни не представлялось возможным что-либо из этого состояния использовать с толком, с удовольствием. А отцу она скажет: «на восстановление храма». Гоша вздрогнул. «Ага, восстановители», — подумал он, и в голове громынуло.

Одна пачка денег осталась у Нади, две другие она вручила ему. Он сунул это добро во внутренний карман куртки.

Они взяли такси и поехали прямо в епархиальное управление. Сумма была просто фантастической, к тому же в долларах. А пачку родной наличности Надя адресовала ему лично: «Всё им не отдавай», — сказала она.

В тот день он застал только секретаря. Увидев, что кабинет не заперт, он зашел без стука.

— День добрый, — брякнул он секретарю с порога. — Вот деньги на восстановление Михайловского, — пачка плюхнулась на письменный стол.

Секретарь воззрился на него с недоумением.

— Ты чегой-то, брат? Банки грабишь?

— Не банки. Это от директора завода. Передай всю сумму владыке. И информацию тоже. Я больше за эти средства не отвечаю, пусть владыка дальше распоряжается.

Он повернулся и вышел, сказав:

— Ну, с Богом!

В это время он вспомнил Иуду, который, бросив деньги перед первосвященниками, ушел прочь и удавился... «А мне нельзя даже удавиться», — только и успел подумать он.

Потому что Надя ждала его в машине.

— Молодец. Быстро дела делаешь, — сказала она деловым тоном.

Они вернулись в ее квартиру.

Только зашли — Надежда радостно произнесла:

— Ну, вот и всё! А теперь мы с тобой должны уехать к чертовой матери в Москву и забыть про эту церковь! Я верю в Бога... но, Гош... гробить вот так свою жизнь ради каких-то непонятных вещей — это маразм, слышишь? Полный маразм.

И он понял, что накануне разболтал всё, что мог. И она решила не терять возможности купить себе мальчика.

— Переоденься, обедать пора... или ужинать уже, скорее. Я пойду на стол накрою.

— Ага, — сказал он. Но когда Надя пошла на кухню, он снял с крючка свою сумку из ветоши и, тихонечко открыв дверь, выскользнул наружу.

Как он бежал! Как бежал!

Такого с ним не бывало даже в детстве. Он добежал до универмага и поймал такси. Помчался на вокзал и сел в первую попавшуюся электричку. Добравшись до областного центра, он отправился в соседний городок. И уже оттуда — в Москву.

Из Москвы — в Сергиев Посад.

Мама и сестра его супруги купили дом в полчаса езды от этого города, чтобы почаще бывать у своего духовника — известного лаврского старца.

Когда он вернулся домой, все сразу поняли, что с ним случилась беда.

Вот он сидит за столом дома у жены. Пьёт пустой чай. Кусок в горло не идёт.

Супруга молча стоит за его спиной. Обнимает его за плечи и целует в макушку, как дитё.

— Гошенька, милый... — только и успела сказать Дуня.

Он молча взял её руку и прижал к губам.

Зашла теща и громко сказала:

— Молчит, как воды в рот набрал. Шо, за полгода-то рассказать нечего? — спросила она с обидой. Но он молчал.

Видя его сумрачный вид, теща ушла на кухню.

— Родная, — сказал он жене, — поедем к духовнику. Как можно скорее. Я спрошу у сестер, как он принимает. Нам теперь недалеко...

— Да, конечно, — тихо ответила Дуня.

Он выдохнул.

Хорошо, что они всё же переехали сюда перед самой женитьбой. Теперь и его сестры рядом. Стали приезжать в гости, рассказывать о возрождении духовной жизни, о чудесах по молитвам старца, происходящих в монастыре. Это немножко его раздражало, но было не до них.

Утро освещало церковный двор. Служба уже закончилась. Прихожане, переговариваясь, выходили из церкви. Отец Георгий наблюдал за ними, стоя недалеко от дверей храма. Он поправлял седые пряди волос, которые то и дело падали с высокого лба на лицо. Они пропахли ладаном. Неизменное странное чувство возникало у него каждый раз, когда он дотрагивался до своих седин...

«Вот и я уже старый... Наверно, скоро мне уже туда...»

Потому что седина — это мертвое... Сухие и ломкие, лёгкие, как пепел от догоревшего костра, по-прежнему длинные и растрепанные волосы как будто нарочно пытались спрятать оставшиеся угольно-чёрными брови и огромные, глубокие, карие глаза, от которых разлетались во все стороны черные стрелочки ресниц. Его взгляд оставлял впечатление надолго. Теща по этому поводу выразилась иронично: «Одни глаза остались», — сказала она ехидно.

Стоя в церковном дворе, он смотрел на женщин. Все лица знакомые, привычно-тусклые. Он не приглядывался, а наблюдал. Скучно...

Он, казалось, уже знал о своих прихожанках всё. Те из них, которые когда-либо загорались счастьем и любовью, наполнялись радостью от жизни — сгорели за считанные месяцы замужней жизни. Но самое страшное — многие потухли, даже не зажигаясь. Немногочисленные мужчины на приходе почти никогда не улыбались. Они были мрачными, усталыми, напряженными.

«Вот она, жизнь... Ну, а какая же она ещё может быть? Всё остальное — обман, мы это придумываем, чтобы оправдать свои слабости. Якобы нам чего-то не хватает, какого-то счастья... Разве Христос где-то говорил, что будет легко и радостно, что нас будут любить? Но мы не можем, не хотим это принять. И сколько сил тратим на бессмысленные вещи...» — думал он, вспоминая выслушанные на исповеди рассказы.

«Лучше оставить всё, как есть... Ничего не трогать. Будет только больнее. Освободимся мы от боли только ТАМ», — говорил он прихожанам. Но надо отдать ему должное, батюшка применял всё вышесказанное прежде всего к себе.

Чаще всего в знак согласия ему кивали головой и крестились на иконы.

И он, провожая их, благословлял и улыбался своей обычной улыбкой, за которую его считали никогда не унывающим, бодрым и сильным. Да, он пил. Но кто не пьёт? Кто не пьёт, тот ещё чего-нибудь...

А о жизни уже давно так мыслил отец Георгий: не может быть никакого счастья, радости на земле. А любовь — это всегда боль. Она постоянно нарастает и в конце концов — убивает. Даже Христа любовь привела на Крест. И нас убила бы сразу, если бы не маленькие радости. Но их может быть не больше, чем ровно столько, чтоб просто выжить хоть как-то. Никак не больше этого. Потому что все мы грешники. Вот он сам согрешил тогда. Покаялся... Но вокруг столько греха и смерти — в этом и живём.

Как в клетке живет и его душа, та самая птичка Божья, которая любила небо и облака, и даже их отражение в воде. Ароматы привольных полей и лесов, полеты над землёй, которая казалась теплой грудью матери. Она всегда, всегда ждала, жалела, питала, давала покой после длительных полетов. А когда его душа летала — воздух был наполнен светом и радостью. Нигде не бывало больше так хорошо, как тогда, когда его миром было огромное поле с одной стороны, река и лес — с другой, а сверху голубым куполом или облачным одеялом его укрывал любящий Творец. Дни, проведенные в одиночестве, были наполнены смыслом. Всегда.

Всё это вспоминалось иногда. Вспышка, которая озаряла его сознание, утомленное рутинной. В такие мгновения он чувствовал себя живым, настоящим. И он немного хитрил, чтобы это случалось почаще. Но рутина была всегда сильнее в этой борьбе. Теперь ему не надо было идти в поле или в лес, к реке. Стоило только взглянуть на жену — и он воскресал, счастье возвращалось в уже одряхлевшее и изнемогшее сердце. Всё, что было ему нужно — просто смотреть на неё, когда она делает самые простые вещи.

Он пристраивался рядом, стараясь помочь ей в каком-нибудь нехитром деле, а сам украдкой любовался своей красавицей. В ней была вся его жизнь. Тот рай, в котором он когда-то жил в одиночестве, он спрятал в ней. Только с ней хотел его разделить. Еще задолго до встречи со своей любовью, он быстро находил утешение в надежде, что не всегда будет один, и в любимой всё это вместились, и сам он находил безграничное счастье, растворяясь в ней без

остатка. Он никогда не думал о своей жизни иначе. Эта жизнь дана ему для того, чтобы отдать её.

Когда в окно заглядывало солнце, он иногда видел, как лучики играют на золотистых волосах. Уходя, они оставляли в них запах солнечных дней, а он улыбался, забывая обо всём. Представьте себе — его жена всего однажды за двадцать пять лет уехала без него на две недели. Так он весь извелся, не находя нигде покоя без неё, без её тихого голоса и светлой красоты...

Предав её по молодости и неосторожности, все последующие года он прожил, ища пути назад, в те счастливые мгновения, когда никто из них и не думал о таких поворотах. Их, этих мгновений, было немного, совсем чуть-чуть. Но это было куда сильнее сегодняшнего дня. Он видел свой рай прямо перед собой, на расстоянии вытянутой руки. Но войти в него не мог.

Он плакал украдкой, а за домашними делами и в гараже, копаясь во внутренностях старенького авто, пел «Седе Адам прямо рая» древним напевом шестого гласа, старинное песнопение, ожившее благодаря батюшкиному хрупкому звенящему тенору. Он выучил его в детстве, потому что отец батюшки частенько его пел и тоже плакал, совсем как он сам теперь. И больше ему не за что осуждать своих родителей. Он плачет о своём грехе, глотая украдкой слёзы — вместе с водкой, вместе ненавистью к себе. А полюбоваться супругой получается всё реже. Время летит очень быстро, она всё более устает, отдаляется, грустнеет и отвечает ему всё резче, все суровее. Прошлое настигает его. Вот и ее волосы потускнели, поседели, поредели. Но он не может, просто неспособен видеть их такими. Но куда от этого убежишь?

Она почти всё время молчит.

А он, иногда вспоминая, что его душа была птичкой Божьей, отчаянно хочет вырваться из клетки. Из череды похожих дней, связанных между собой церковными праздниками и трудами, цепочками обязательств, бед — больших и маленьких.

Они совсем почти не разговаривают больше. Батюшка задыхался от этого. Да, он пытался взлететь — но каждый раз падал. Его находили пьяным в поле, у леса...

Он лежал лицом вниз на земле и ничего не помнил. Не пить уже не мог. Его жизнь давно превратилась в замкнутый круг, где причины и следствия

несчастья перетекали друг в друга. Иногда ему казалось — так хочу на свободу! Вырвусь, чего бы мне не стоило! Но пытаюсь убежать из тюрьмы прошлого, вылететь из клетки, он, птаха Божья, разбивался в кровь.

И он перестал пытаться. Какое же сразу наступило облегчение!

Выбившись из сил, теперь его душа питалась крохами с чужих столов и совсем перестала летать. Каждое движение изувеченными крыльями причиняло страшную боль. И поэтому теперь птичка Божья тихонько ходила по земле мелкими шажочками, почти всегда глядя в землю, в поисках пропитания.

Он теперь не говорил о высоком, избегал музыки, которая тревожила душу, и за всю свою взрослую жизнь ничего не нарисовал. Всё это он оставил как пустяшное, а то и вредное, там, в далеких днях в поле, у реки, в лесу, к которым он теперь возвращался только пьяным.

Его связь с небом оборвалась. Чтобы не думать об этом, — он попросту был не способен в своём теперешнем состоянии ни на какие переосмысления — он часто повторял одно и то же.

— Главное — служение. Богу, людям...

Он привык служить. Конечно, была какая-то отдача, но маленькая. По сути, ему было очень одиноко, особенно дома. Но и вне дома было не лучше. Он так и не нашёл собутыльников, ни одного. Пил батюшка один, закрываясь в своей комнате.

А выходя из запоя, решительно и быстро разгребал завалы в домашнем хозяйстве, отправляя жену по врачам и на уколы и капельницы с витаминами, чтобы она восстановилась. Она ведь тоже работала. Сначала, недолго — в соборе в городе. Потом устроилась в тот большой монастырь, при котором жили сестры отца Георгия, чтобы быть ближе к духовнику. Сюда же приехала после смерти отца тетя Валя. По той же причине — ближе к духовнику. К тому самому, к которому они пошли вместе с молодой женой после его возвращения из села, на исповедь и за советом, как жить после такого падения.

И после этого настоящим главой их семьи был уже не отец Георгий. Седовласый игумен, известный старец и провидец — вот кто решал все

недоуменные вопросы. Его слушались, ему подчинялись. А он, отец Георгий, потерял своё место, за возвращение которого с переменным успехом боролся всю жизнь.

С ним месяцами никто не общался, ничего не обсуждал. Чаще всего он запивал это дело крепким алкоголем, но трезвым видел, что нет у домочадцев и между собой никакого общения. Иногда он над ними смеялся, но в ответ его дружно обзывали алкашом и похотливцем. Всё очень просто — кто пьёт, тот и к блуду склонен, и убить может.

А ведь трезвым батюшка служил. Служил Богу и людям, до полного изнеможения. Он брался на приходе за любое дело, даже уборки не чурался. И во дворе, в том числе, много чего благоустроил своими руками. Руки у него большие, натруженные, жилы и сосуды торчат бугорками под кожей, покрытой пятнышками и ссадинами. Обе руки у него были сломаны в разных местах. Это он на крышу храма и под купол лез по стремянке, а она на него падала.

«Я нужен, я полезен!» — эта мысль опьяняла его сильнее вина. В запой он уходил, только когда уставал до такой степени, что не мог делать ничего. Только сходить к соседям, чтобы затариться самогоном. Пару раз он ездил куда-то на своём стареньком «опеле» по селу. Укатился в канаву. Сам без ущерба, а вот машину помял. Ну, это быстро поправили по знакомству. Трезвым он гонял, выжимая предельную скорость, и представлял себя за рулём крутого внедорожника.

Один раз домочадцы обступили его плотным кольцом, требуя отвезти их в монастырь на машине. Батюшка думал, что они заметят, что он выпил, но они не заметили. Почему-то никто не хотел дойти до станции и проехать немного на электричке. Погода и впрямь была не лучшая для прогулок. Он согласился.

И опять вылетел на обочину. Теперь без перевертышей, но его домочадцы, не получившие ни одной царапины, решили, что их спас Бог. Они, конечно, всё рассказали своему духовному руководителю.

Прошло несколько месяцев, и из очередной поездки в монастырь жена вернулась домой монахиней.

Чего-то подобного ожидал батюшка, и он понимал, что виноват сам. Он уже очень давно не ездил к старцу.

— Достал он меня, — говаривал он.

Ах, если б вы знали, что за этими словами стоит...

Но тут он к нему поехал. Растолкал всех и вломился в келью, почти как бандит.

Он застал старца с его новым келейником. Больше ничего не изменилось. Окружающий обоих беспорядок, книги, иконы в полумраке крошечной комнатенки, где всё пропиталось копотью от свечей и лампад — все казалось гадким и гибельным.

— Слушай ты, игумен! — сказал отец Георгий, задыхаясь. Ему хотелось схватить что-нибудь и бить этого человека, бить до смерти...

Но игумен выглядел настолько жалким и омерзительным, что он забыл все слова. Лица келейника даже запомнить не удалось.

Сжав кулаки, он застыл перед старцем. В дверь кто-то скребся, слышались голоса.

— Пошли вон! — заорал отец Георгий не своим голосом.

Он подошёл поближе, плюнул на грязный, истоптанный пол под ноги старцу. И снова смог говорить.

— Будьте вы прокляты... Ненавижу...

Он развернулся и вышел. Никто ничего ему не сказал, но жена, конечно, узнала. Она причислила мужа к опустившимся, погибающим.

После того, как отец Георгий вернулся к жене после горестного опыта приходской жизни в одиночку, духовник (тогда слово «старец» еще не применялось к нему) сказал, что нет нужды сообщать местному архиерею, в чём дело. Ведь даже тот, в чьей епархии это случилось, не имел понятия о происшедшем.

Тогда отец Георгий как на крыльях порхал после исповеди.

Последняя разлука с милой была связана с тем, что он съездил к архиепископу, у которого прежде служил. И просто сказал, что у него чуть не развалилась семья, и ему надо это исправить.

— Ну, исправляй, — ухмыльнулся владыка в ответ. Батюшкина душа сжалась в одну маленькую черную точку.

Но вдруг архиерей наклонился и открыл ящик своего стола. Он достал и положил на стол перед отцом Георгием отпускную грамоту.

— Лежит вот, дожидается тебя, — улыбнулся он. — Мы знали, что ты не вернешься.

«Кто это «мы»?» — мелькнуло у отца Георгия в голове. Архиерей хлопнул его по плечу.

— Ну давай, с Богом. И смотри, не подведи там меня.

— Вашими молитвами, владыко! С Богом!

Он выскочил из епархиального управления, как школьник из директорской — испуганный и счастливый одновременно.

Батюшка подумал, что это как второй день рождения. Настоящее чудо.

Деньги могут многое. Чудо не в этом, а в том, что, начинаясь с таких злоключений, всё завершилось так благодаря пачке долларов, брошенной им тогда на стол секретаря в отчаянном порыве.

И он по пути домой молился, а по возвращении, как херувим, горел благодатным огнём до самой Пасхи.

После Светлой седмицы он наконец начал свою отсроченную жестокой судьбиной семейную жизнь.

Это воистину была горько-сладкая пора. Какой же нежной и беззащитной была любимая, какой хрупкой. Внутри неё было много страхов. Он стал понимать, что опыт с чужой женщиной ему не вредит, а только помогает. Чего нельзя было сказать о советах духовника.

Он стал реже бывать у него, ожидая, что Дуняша не станет ездить в монастырь без него. Так и случилось. Они стали сбегать вместе в лес, в поле, к реке.

Как же колотилось сердце, когда он видел ее среди природы... Сбывалась его мечта ввести её в рай.

Дуня была очень зажата, напугана, она не смела взглянуть ни на себя, ни на супруга. В её понимании тело было только источником всяческих греховных злоключений, болезней, неизбежной причиной для разнообразных хлопот и ненужных трат.

Но у него был огромный запас терпения, нежности, тепла, веры в то, что жизнь — это быть с милой женой.

Петров пост, конечно, отбросил их назад. Мама опять стала возить ее в монастырь.

После поста он снова стал гулять с ней подолгу, чтобы не быть на виду у родни.

Он очень старался помочь жене. Он горел так, что пламя доставало до небес. И вот однажды она всё-таки смогла забыть обо всём. Тогда он взял её за руку, и они вместе сбежали вниз по склону, к реке. Её коса расплелась, и волосы развевались на ветру. Речушка была мелкой, и он нес ее на руках на другую сторону. Он собирал для нее ягоды в ладонку, целовал ей руки, крепко обнимал. Они забылись вместе на солнечной лужайке, глядя в небо. Это счастье невозможно описать словами. Именно после этого молодой священник начал сильно сожалеть, что отдал доставшиеся ему ужасной ценой деньги духовнику.

Тот сказал, что их нельзя нести в семью, потому что за ними стоит грех блуда. И вообще, они украдены.

А ведь теперь он мог бы жить отдельно от тещи и от сестер. Это они вместе с тещей купили этот дом, а после к этому союзу присоединилась тетя Валя. Он остался ни с чем в материальном плане. Но это не самое страшное. Власть в доме была игуменская! Бабы вчетвером вертели им и Дуней, ссылаясь на духовника. Его это ужасно изводило.

Он винил себя. А кого еще было винить? Однако счастье давало ему силы трудиться и надежду исправить всё позже.

А Дуня к тому времени забеременела.

Во время беременности она не подпускала к себе мужа. Он всё терпел, хотя и с трудом. После рождения сына Дуня впала в тяжелейшую депрессию. Его

сестры-монашки были плохими помощницами. Теща начала истерику и потащила Дуню в монастырь. Уехала с ними и тетя Валя.

Новорожденный остался дома с молодым отцом.

Уже с этого момента батюшке хотелось убить этого духовного руководителя своей семьи.

Гриша плакал часами, а он ходил с ним на руках и чувствовал себя непоправимо виноватым, униженным собственным ничтожеством и почти полностью уничтоженным.

Он еле выжил тогда. Неимоверные нагрузки и тревога за жену истощили его. К тому же ему пришлось просить помощи на приходе. Ему помогли причетницы, а настоятель без лишних слов дал отпуск и помог деньгами. Однако теперь о случившемся знали все.

Прошёл год. Малыш пошёл, и стало полегче. Он не болел, кроме детских колик его больше ничего не беспокоило, а это большое везение.

И вот, с малышом за руки, они вместе топают по двору. Это казалось чудом и началом нового и прекрасного. Он летел домой, как ангел в рай. И вот малыш уже начинает говорить. Вечерами они гуляли и возились с Гришкой, играли с ним.

Но перед сном в своей комнате, оставшись одни, они только молчали. Ему очень хотелось близости, но Дуня отворачивалась к стене и частенько плакала.

Он понял — надо снимать отдельное жилье, срочно. Дуня наотрез отказывалась от этой идеи. Она просто предложила спать отдельно.

— Ты что, с ума сошла?.. Что это за глупости?

— Отец игумен считает, так лучше...

В ответ отец Георгий вспылел и стал кричать на весь дом, на всех. Эх, какие словечки пошли в ход! И это дало свой результат.

Жена больше не предлагала спать отдельно. Собственно, это и всё, потому что она относилась к нему всё более напряженно. И он часто стал сам уходить спать в другую комнату, чтобы ее не мучить.

Потом Дуня снова забеременела. В этот раз ей было очень тяжело. Изнуряющая рвота и головные боли довели ее до полного истощения. А когда это закончилось, случился выкидыш.

Она опять провалилась во тьму всем существом.

Кошмар повторялся. Но первенец уже подрос. А у батюшки были знакомые врачи повсюду. Дуню лечили бесплатно и усердно, они платили только за лекарства. И, наконец, всё осталось позади.

Потянулись серые дни. Дуня стала часто уезжать с сыном в монастырь. Это пугало отца Георгия. В конце концов, он стал умолять жену прекратить это, Дуня тихо сопротивлялась.

Но сил уже не хватало. И она сдалась, перешла на работу в приход мужа. Она помогала на кухне, в лавке и в библиотеке. Батюшка купил подержанную машину и возил малыша в садик, а жену — в храм и по магазинам в городе.

Дуня стала меньше уставать, и жизнь, казалось, налаживалась. Но за то, что она стала реже ездить в монастырь, ее грызла мать.

Как коршун бросался отец Георгий защищать своё счастье. Ему казалось, он смог. Всё стало заживать, налаживаться. Во-первых, Дуня поправилась, зарумянилась, повеселела. Во-вторых, Гришенька пошел в школу. Время несло. Они жили душа в душу, а тещу отца Георгия, тетю Валю и сестер монахинь поселили в квартире, которую сняли для них прямо возле монастыря. Отец Георгий уже был настоятелем и мог себе позволить, он даже откладывал деньги.

А вопросы с опасными для жены беременностями он решил так же, как и все «обычные», «недуховные» люди.

Так прошло несколько лет. И вот так, вдруг, очень просто и неожиданно стрелочка счастья сбилась на часах.

На приходе у батюшки появилась молодая и очень талантливая регентша. Это была рыжеволосая девушка — высокая, тонкая, невероятно смешливая и остроумная. Прихожане о ней спорили, судачили, но никогда не оставались равнодушными. Руководить хором у неё тоже здорово получалось.

Дуня сильно обижалась — регентша эта строила глазки батюшке. Батюшка ей определенно нравился, потому что кроме него не с кем было даже поговорить, а поговорить она любила. Молодой хохотушке ничего кроме разговоров не было нужно. Но за приходским столом, как только выразительное сопрано регентши рассыпалось бисеринами по всей трапезной, Дуня менялась в лице.

Потом она попросту перестала ходить на трапезы после служб, если видела, что и регентша идёт туда.

Батюшка понял, что дело плохо. И он принял меры: нашёл регентше парнишку, познакомил их, хлопотал, чтоб всё у их получилось. Но жену это не убеждало. Он попросил регентшу уйти. В ответ она начала угрожать, что если он ее «подвинет», она всем скажет, что он до неё домогался, а найденный батюшкой паренек очень оценил эту идею своей невесты и пообещал помочь в распространении информации, ежели что.

Тогда ушел отец Георгий. Он стал ездить на службы в город, служил там вторым священником в небольшом храме. Но дома ничего хорошего не происходило — жена уже снова слушалась могучую пятерку во главе с игуменом. Более того, как-то вечером, спустя всего несколько дней, когда он что-то подкручивал в машине, жена заглянула в гараж.

— Я еду к отцу N. А ты зря старался. Теперь мне всё понятно. Ушел, чтоб следов не оставалось... Но ведь и так всё понятно. Сначала меня от монастыря отваживал, батюшку оскорбил, а теперь хочешь жить в своё удовольствие и меня использовать... Ты для этого, что ли, стал священником? Я буду советоваться только с отцом N.

— А разве не с этого ты начала еще до свадьбы?

— А с чего начал ты? — тихо спросила она.

Тут же стояли небольшие деревянные козлы. Вдруг она подняла их, подошла и швырнула деревьяху на капот машины. Отряхнула ладони, убрала со лба волосы, повернулась и молча ушла.

Он понял, что дальше будет только хуже — теперь, когда он не был настоятелем, и дома был тот самый монастырь строгого режима. А он стал тихонько пить в своей комнате.

И так дожил до тех дорожных происшествий и до окончательного разрыва с женой. Происшествие на дороге было только предлогом.

Он не хотел вспоминать, что было дальше. Об этом знало всё село.

Не сразу батюшка смирился, много накуролесил.

Теперь у них дома редко кто-то бывал. И батюшке это нравилось, меньше ссор и хлопот. Тетя Валя подружилась с тещей отца Георгия Неонилой. Ещё бы, ведь они как сестры, даже одеваться стали одинаково, под монашек. Любимый сын уже съехал в купленную ему батюшкой квартиру. Происходящее дома сильно угнетало молодого поповича.

Недавно он женился. На девушке, очень похожей на его маму в молодости. Отец Георгий их обожал, он лелеял надежду, что у них всё сложится. Они были такими светлыми, нежными и наивными...

Уезжая из опустевшего дома, отец Георгий целыми днями пропадал на своём приходе. Без дела там не останешься. Вот он почти бегом пересекает двор, а потом спешит в церковь. Иногда его кличут в дом причта. А ещё частенько он подолгу говорит с кем-то из прихожан, сидя на лавочке в главном приделе храма. Если позволяет погода, батюшка беседует с приходящими, прогуливаясь с ними под тенистыми деревьями, растущими вокруг церковного дома.

Однажды, после обеда, свечница баба Паша подвела к нему под благословение крошечную женщину. На вид она была всего лет на пять его младше, но похожа на ребенка. Баба Паша хватала ее за тоненькую ручонку, как куколку.

Батюшка сразу обратил на неё внимание, потому что она явно была не из местных. Этакая миниатюрная городская штучка. Благословляя незнакомку, батюшка просто молча положил руку на жесткие черные волосы, а потом пошёл дальше по дорожке.

Он был весь в своих мыслях и по привычке благословлял всех просивших. Одни объясняли, что да как, другие молчали. Это было обычным делом. Но он услышал, что баба Паша ему вслед кричит:

— Батюшка!.. Ну совсем ничаво не слышит! Тут дом светить хотят! — раздосадовалась свечница. Её голос, глухой и хрипловатый в силу возраста, звучал на пределе.

— Что за шум? — поворачиваясь, улыбнулся он. — А далеко ехать?

— Да нет, здесь, частные дома...

— Это дача моей сестры... вернее, нашей семьи, но... — начала было объяснять хозяйка дома, но батюшка перебил:

— Да это неважно. Когда?

— Когда вам удобно, батюшка, — ответила женщина. Голос у неё был довольно низкий и чуточку осипший. Так бывает у подростков и у хрупких женщин. У грузных — голоса другие. Так батюшке всегда казалось.

«Француженка», — подумал он и кивнул головой в знак согласия.

— Мне только нужно прибраться в алтаре, если подождете...

— Да, конечно, — ответила француженка.

Батюшка поспешил в храм. Он второй день как вышел из запоя. Сил не хватало, но он бодрился и улыбался, часто повторял: «всё хорошо». Как было на самом деле, знали почти все, но это уже стало привычным. Да, были сплетни и злословие за глаза, но в остальном тишь да гладь. И местный владыка прощал ему пьянство, потому что батюшка вовремя выныривал из пике.

Вот и сейчас, закончив уборку в алтаре, он взял требный чемодан и, выйдя, поискал глазами новенькую. Она сидела на лавочке и, примостившись кое-как, рисовала. Забыв, кажется, обо всём на свете. Отец Георгий застыл, как вкопанный.

Как всё перевернулось и полыхнуло в его измученной душе от этого простого, но неожиданного поворота. Она держала один карандаш за ухом, другой зажала губами, делала штрихи, прищурился глаза.

«Никогда ее раньше не видел у нас. Москвичка, наверно», — подумал он, пытаясь вернуть свою душу на привычное место.

Художница слегка подняла руку, махнула ему и крикнула негромко:

— Батюшкааа! — она приветливо, хоть и застенчиво, улыбалась. —
Пойдёмте, машину я за воротами оставила...

Быстренько подхватив всё разом, она прошла через двор.

Они вышли за ворота. Тут батюшка с изумлением увидел стоящий неподалёку Porsche Cayenne. «Ого, живут же люди!» — приятное тепло разлилось по всему телу. Это произошло мгновенно, как от инъекции.

Да, хорошее транспортное средство гораздо лучше и быстрее алкоголя помогает поднять настроение: тем, кто ценит машины так, как это умеют делать некоторые уже немолодые сельские священники.

— Машина у вас — ух! Адреналин! — сказал он восхищенно.

— Скорее эндорфин, — таинственная незнакомка засмеялась. — Когда муж ее купил — да, был адреналин... и другие гормоны стресса. Ну нельзя, нельзя столько денег тратить на железяку, — она провела рукой по черному блестящему кузову. — А теперь мы с железякой — друзья. И я больше не жалею. Я не представилась — Марина.

— А я отец Георгий, — ответил он, продолжая разглядывать «тачку», по-мальчишески любопытничая и мечтательно вздыхая. Как накануне дня рождения в детстве, в предвкушении подарков.

Когда они сели в машину, Марина стала рассказывать:

— Моя сестра живёт в Штатах уже несколько лет. Я приезжаю на дачу редко. Мамы уже нет в живых. В общем, Алла считает, что надо продавать. Но сначала освятить, вроде как для успешной продажи... — Марина слегка поморщилась. — Я далека от всего этого... уж простите. Ну, ладно, раз попросили — сделаю. Я только сегодня приехала. Еще не давала объявление о продаже.

Отец Георгий слушал невнимательно. Подобные рассказы на требах — не редкость, хотя — чаще без Штатов, но, в общем, ничего особенного. Поэтому батюшка вовсю наслаждался ласковым мурлыканьем двигателя. Ему невыразимо хотелось сесть за руль, попробовать. Эх, блаженство. Красавец Cayenne шёл на пневмоподвеске плавно, как яхта по волнам океана. Словно и не было обычных для этой местности тьмочисленных колдобин.

Они подъехали к давно знакомому дачному коттеджу. Отцу Георгию часто приходилось здесь проезжать, но он думал, что здесь уже всё продано и нет

никого. За высоким забором находился довольно большой двор. Раньше, видимо, очень ухоженный — даже теперь он выглядел неплохо. Сливы, яблони, груши. Под ними — вымощенные дорожки и посыпанные галькой тропинки. На солнышке — клумбы, поросшие травой, большой газон перед воротами. Беседка с пластиковой крышей, однако, весьма практичная и уютная на вид. Со всех сторон ее обвивало какое-то южное растение.

— Здорово! — с чувством воскликнул священник. — И никаких тебе дурацких грядок! Я б вот у нас в огороде все грядки в асфальт закатал с удовольствием!

Марина снова весело засмеялась.

— Вот уж точно! Должны же мы хоть что-то иметь с глобализации, в конце-концов! Хотя бы можно себе позволить не корячиться на грядках с огурцами, помидорами и морковкой! Это всё копейки стоит. Проходите, батюшка...

Он поднялся по небольшой лестнице на веранду, откуда можно было видеть сад и машину у ворот. Она вся блестела, фары как будто весело прищуривались, спрашивая с насмешкой: ну что, покататься хочется?

В доме пахло так же, как в машине. И тут батюшка понял, что это духи Марины. «Парфюмерная фабрика», — усмехнулся он про себя.

За освящением Марина наблюдала с вниманием и вежливо выполняла нехитрые просьбы отца Георгия.

Когда он принялся клеить наклейки с крестами на все четыре стороны, она улыбнулась. И снова чуть было не засмеялась, когда он сверху помазал их растительным маслом из граненого стакана. На время освящения он у батюшки превратился в елейницу. Рисовал эти крестики отец Георгий обычной кистью для акварели, потому что он презирал дорогостоящие изделия для церковного обихода из Софрино.

Итак, дело было сделано. Марина, улыбаясь, сунула батюшке хрустящую красноватую купюру, свернутую в трубочку.

— Вот... извините, если что не так, я правда не в курсе...

— Всё хорошо, — ответил отец Георгий и, внезапно смутившись, скорее сунул деньги в глубокий карман подрясника.

Он посмотрел на улицу. Взгляд, как магнит, притягивала машина. Он вздохнул. А вот на её рабочие принадлежности он нарочито старался не

смотреть: занявшие огромный стол рисунки, мольберт, россыпь карандашей и прочего, тут же — ноутбук. Он отвернулся. Батюшка давно запретил себе даже думать о столь любимом когда-то занятии.

В тот день Марина отвезла его обратно в церковь. Ему даже не потребовалось снимать потрепанные поручи и епитрахиль золотистой расцветки. Это у него называлось — желтое облачение. Он снял их в алтаре и задумался.

«Она другая, — подумал он. — Интересно. Хорошо всё-таки встретить тут у нас новое лицо».

А Марина, вернувшись из церкви, дала объявление и затеяла уборку. Предпродажная подготовка, так сказать.

В этих краях было легко рисовать. Поэтому продавать дачу совсем не хотелось, и уборкой заниматься — тоже. Но Марину раздражало сестрино наследие — кружавчики, цветочки, занавесочки, картиночки, статуэтки, ей это было буквально поперёк горла. И она начала очищать дом от этого хлама, складывая его в кладовку в полиэтиленовых пакетах.

Впрочем, прошло несколько дней, а объявлением насчет продажи никто не интересовался. И Марина ходила недалеко в лес или в поле рисовать.

Лето вступало в свои права. Погода баловала теплом без жары и легким ветерком. Солнце улыбалось с небосвода, а под его куполом пролетали стада облаков-барашков. Было чудесно.

Но в то утро Марина проснулась в слезах.

«Всё-таки поеду сегодня, напишу за него записку», — решила она.

Слабость и разбитое состояние не позволили ей отправиться в церковь пораньше. Она отпивалась часов до 11 кофе, слушала музыку и рисовала прямо за столом. В этот день погиб ее муж...

И она вспомнила о священнике.

«Этот — не ханжа, с ним и поговорить за жизнь можно».

Пока батюшка любовался её автомобилем, она подумала, что было бы здорово нарисовать его в профиль. А когда они прощались, Марина

подумала, что, несмотря на улыбки и шутки, лицо это говорит о совсем невеселых вещах.

Отец Георгий оказался на месте, он освящал машину. Она заехала прямо внутрь, потому что день был будний и церковный двор пустовал.

Батюшка бросил в ту сторону быстрый взгляд. Он скоро закончил освящение машины и почти бегом побежал в церковь, чтобы отнести обратно кандию и кропило. Марина наблюдала за ним из машины.

Когда он вышел на улицу снова, она открыла дверь, собираясь выйти, но отец Георгий уже направлялся в ее сторону.

— Добрый день, батюшка, — сказала она, улыбнувшись. И прыгнула, как девчонка, на землю. Крошечные ножки в балетках и зеленое платье. Вместо креста — цепочка с подвеской-ключиком.

Отец Георгий тем временем поздоровался и спросил в шутку:

— Шо, опять?

— Ага... я тоже люблю этот мультфильм.

— Ты это... заходи, если шо, — продолжил он и тут заметил, что она чуть не плачет.

— Что случилось? — спросил он.

— В этот день погиб мой муж... Восьмая уже годовщина... — сказала Марина и, скрестив руки, обняла сама себя. Он сразу понял, что это давняя-давняя привычка. И очень порадовался, что не стал делать замечания и задавать дурацкие вопросы по поводу крестика.

— Давайте помянем... вместе, если хотите.

— Ладно, — всхлипнула Марина.

Вместе с отцом Георгием они зашли в темный притвор церкви, где Марине наперерез кинулась свечница баба Паша.

— Голову накрой, — рявкнула она. У нее уже был в руках платок из коробки, стоящей тут же, в которой валялось разное тряпье на такие случаи.

— Слушай, успокойся уже, а, — сказал ей с раздражением отец Георгий.

Марина подумала: «Были б все в церкви такие — можно было б ходить... хоть иногда».

Им вслед донеслось глухое ворчание.

— Бесполезно, — сказал отец Георгий Марине. — Хоть бей, хоть убей — она будет своё талдычить. Сколько народу распугала... ух, иногда так врезать хочется кулаком по башке.

«Ты, батюшка, отличный парень. Определенно». Марина улыбнулась сквозь утреннюю грусть и сумрак церкви.

А лития была короткой и светлой. Марина почувствовала облегчение. Высокий и легкий голос батюшки казался хрупким хрусталем, звенящим и сверкающим под куполом. Скорбь Марины стала прозрачной, как этот хрусталь, грустью — и улетела в высоту, через маленькие оконца поднимаясь к небу.

Всё закончилось. Отец Георгий повесил дымящееся кадило на подсвечник.

— Спасибо, батюшка... всё у вас как-то так душевно...

— Во славу Божью, — ответил батюшка.

Как будто заранее договорившись, они прошли к лавочке вдоль задней стены и сели на неё.

— Он разбился на машине. Он нарушал постоянно... мобильный в руке, никаких ремней безопасности...

— Господи... — сказал отец Георгий. Он перекрестился, и Марине стало легче говорить. Для неё это был жест, который показал ей, насколько внимательно и сочувственно он слушает.

— Мы жили вместе всю жизнь, поженились очень рано. Мне 18, ему 21. Прошло восемь лет. А детей у нас нет...

Марина замолчала и опустила голову.

Отец Георгий молча принес ей пластмассовый стаканчик со святой водой. Она попила и сказала:

— Спасибо, что выслушали... извините...

— Не надо извиняться. Для этого я здесь.

— Нет, правда. Я бы и не пришла, если б не вы...

Она встала, комкая в руке бумажную салфетку. Стараясь быть более спокойной, тем не менее Марина готова была разрыдаться в голос перед этим незнакомым ей, но вызывающим доверие человеком. Отец Георгий дружески положил руку на плечо Марины.

— Ну как? До дома доедете?

— Ага, — улыбнулась она, глотая слезы. Они уже не казались такими жгучими.

Когда вышли из храма, батюшка обернулся, чтобы перекреститься. Марина кое-как повторила за ним.

— Запишите мой номер, — сказал он решительно. — Мало ли что?

— Хорошо...

Марина достала свой огромный смартфон. Отец Георгий хихикнул и извлек из кармана старенький кнопочный Nokia.

— Вау. Звонилка! Они еще существуют? — Марина заулыбалась. Голос дрожал от перехода к противоположным вещам в считанные секунды.

— А то. Это не то, что сейчас делают, чего только не было, а ему хоть бы хны! Пишите! — продолжил он бодро.

На самом деле она даже не написала имя в телефонной книжке, только номер. Потому что была уверена, что больше никогда не позвонит.

— Ещё раз спасибо! До свидания, — сказала она и направилась к машине. Отец Георгий провожал взглядом, пока она не исчезла за воротами, немного подняв пыль.

Он остался один. Подрясник развеялся на ветру, он показался себе былинкой, которую вот-вот унесет прочь. Подняв глаза, он увидел на небе потемневшие и отяжелевшие облака. Надвигалась гроза.

Тем вечером лило как из ведра. Молнии бороздили небо, грохотал гром и колеблемые ветром листы жести на некоторых крышах.

Батюшка пил у себя в комнате, как обычно, один. Сын уже не очень хотел общения с ним. Да, звонили другие люди, много, но только чтобы обсудить свои проблемы.

И вдруг, пробиваясь сквозь шум грозы, запиликал телефон. Номер был незнакомый. Он знал, что никаких треб никто не заказывал. Но тем не менее, взял трубку.

И даже почти совсем не удивился, когда услышал в трубке извиняющийся голос Марины.

— Отец Георгий, это снова я...

— А, привет! Я и сам хотел кому-нибудь позвонить... Поболтать просто охота, пообщаться.

— Да, вот и мне тоже. Тишина — это хорошо, но у меня здесь совсем никого... Это чересчур, наверно. Звонить знакомым пока не хочется... Я ведь здесь вроде как отдыхаю от людей.

— Ага, понимаю... Я тоже дома отдыхаю от людей, трубку обычно не беру даже. Но скучно. Сериалы смотреть не хочется, читать лень. К тому же я опять выпил... А тут ещё — гремит и гремит...

— Уже меньше...

— Вообще здорово, обожаю грозу!

— И я... — ответила Марина.

Ее охватила какая-то детская веселость, ведь отец Георгий тоже шутил и весело смеялся. Марине было интересно: сейчас у него такие же грустные глаза, какими она их видела днём, или нет?

В таких разговорах ни о чем прошло полчаса, может быть больше. Марине не верилось, что она проговорила столько времени с пьяным священником. Ну, и сама она была не самой обычной прихожанкой. Да еще смутила батюшку крутой тачкой. Она засыпала, улыбаясь.

На следующий день всё вокруг было мокрое, попадали деревья. Но солнце играло на мокрых листьях, крышах, на поверхности огромных луж.

Как же это было здорово! Но ей уже хотелось разбавить чем-то череду сельских пейзажей. Пора было искать новые лица.

Она снова вспомнила о церкви и священнике. Надо попросить разрешения порисовать там подольше, решила Марина. А пока — она снимала пейзажи на камеру. Делала наброски.

А батюшка снова позвонил. Сам. И на следующий день — тоже.

Она начала волноваться. Ей нужно было готовиться к выставке, что-то новое подготовить для учеников к осени. На третий день они проговорили полтора часа. В это время она многое сделала. Тревожило другое — к чему могут привести эти разговоры...

«Ладно, — подумала Марина. — Я же не монашка».

Она позволила себе не думать об этом. И в короткий срок создала несколько потрясающих пейзажей. Это как будто и не она рисовала. На смену печальным тонким линиям и серо-черным теням пришли яркие краски, сияние солнца. К выставке всё было готово!

— Я хочу пригласить вас в гости, чтобы вы посмотрели мои новые работы, — сказала она прямо. — Вы же говорили, что рисовали...

— Ой, не надо об этом... жалею, что сказал. Мариночка, я всегда рад, но будет ли это уместно и удобно?

— Батюшка, ну хватит вам уже стесняться!

— Хорошо! Договорились. Но перестаньте меня называть на «вы»!.. Пожалуйста!

— Ладно. Но и меня не надо... Честно говоря, я не слышала, чтобы священнослужителей называли на «ты»... обычные люди, — запнулась Марина, стараясь не засмеяться.

Но тут расхохотался батюшка:

— Ахахахаха! Так что — я — «необычные люди»?! Ахахахаха!

— Хорошо, Обычный Человек! Предлагаю сделку: ты сегодня будешь мной нарисован, а я — дам покататься на своей машинке! Идёт?

— Вот что ты со мной делаешь? Разве так можно? Соблазнила... Ну, всё. Бегу. Жди!

И он правда пришёл.

«Так лучше», — подумала она. Он был в классических брюках и ботинках, рубашка в клеточку. Всё бы ничего, но все эти вещи были ему велики. Марина вздохнула, сожалея о его заброшенности.

А он увидел, как она готовилась, и ему стало радостно на душе.

— Спасибо, что позвала... Я уже давно сильно пью... Никому не нужно такое добро...

Он поджал губы. Борода и усы при этом топорщились, потому что он их никогда не стриг, только подравнивал маленько.

«Не вижу алкоголика, — подумала она. — Не похож...»

Она проводила его на кухню, очень большую, уютно и современно обставленную.

— Икея рулит, — улыбнулась она, видя, что он приглядывается.

— Ну, дык я уже был у тебя вроде... а сейчас здесь как-то всё по-другому, что ли... хорошо стало!

— Просто убрала хлам, всё лишнее...

— О, приходи ко мне убирать хлам! — засмеялся батюшка.

— А я приду! — отозвалась Марина.

— Хотя нет, какой хлам! Это всё нужное! Над моей головой, например, когда я сплю — висят полки с тонной книг. Когда упадут — пора мне, значит, туда!

— В рай?

— Какой рай? Куда мне...

— Тебе чай или кофе?

— Кофе.

— У меня только растворимый! — предупредила Марина.

— Другого не пью!

— Садись вот здесь, в уголочке.

— Как скажешь... Но это я сегодня сошел с ума... это — в виде исключения. Жертва ради искусства!

— А ничего особенного не надо. Застывать не надо. Просто пьем кофе... Хорошо? Вот, я тоже пью кофе, — улыбнулась она. — Печеньки, конфеты. Угощайся! Не успеешь оглянуться, я закончу.

И правда, она набросала его профиль здесь же, за столом, на большом белом листе бумаги.

А потом они просто говорили.

— Я не хочу смотреть... Можешь мне не показывать потом? Пожалуйста!

— Вот и зря. Ты очень красивый человек!

— Брось, а! Я весь седой, из меня песок уже сыплется...

В конце посиделок они были нарисованы оба за столом. Он сидит у стены, она — сбоку, с другой стороны стола — окно, откуда льется свет...

Он не мог не смотреть.

— Компромат, — ахнул он. И подумал: «Всё это опасно... но мне плевать. И кататься я поеду! Интересно будет потом послушать сплетни!»

— Я обещала покататься! Поехали! — Марина звонко цокнула чашкой о блюдечко. Крошечное личико сияло улыбкой.

По селу они проехали потихонечку. Выехав на трассу, Марина тотчас остановилась и выпрыгнула на гладкий асфальт.

Потирая руки, батюшка тут же переместился за руль. Глаза у него горели. Он сиял.

— Ну-ка пристегнись, Шумахер! — смеялась Марина. — А то доиграемся.

Он перекрестился. Трасса была пуста.

— Открой немного окно, будет намного веселее с ветром!

— Ага! Не сломать бы ничего! Ну, погнали!!!

И вот они несутся вперед...

— Что мы делаем? — спросила Марина, сама с трудом веря в то, что видит.

— Я сегодня не пил, всё отлично! Мы радуемся жизни! Всё отлично!!!
Спасибо тебе, это такой кайф!

— Сбавь чуть-чуть... Убьемся!

— Аааа! Как здорово!

— Поворачивай! Я потом отвезу тебя домой!

Они вернулись к повороту на село.

Он откинулся назад, закрыв глаза, и глубоко дышал. Руки лежали на руле и слегка подрагивали.

— Господи, как хорошо... — сказал и наконец посмотрел Марине в глаза.

— Слушай... а почему ты стал священником? — в лоб спросила Марина. Отец Георгий ждал этого вопроса. Он не удивился.

— Папина жена хотела... Папа тоже. Он у меня дьяконом был.

— А мама твоя?

— Маму я не знал... Папа влюбился в молоденькую — мама ему в дочери годилась. Она росла с бабушкой, в нашем же селе. Отец ее — враг народа, мама умерла рано — с горя, потому что мужа посадили. Мой отец единственный, кто её не унижал, не пользовался ее слабым положением. После службы он иногда с ней разговаривал, гуляя вокруг храма. Объяснял, что да как в нашей вере. А потом влюбился. Это было взаимно, хотя он был уже не молод. Мама забеременела... Родила меня. А папа помогал маме, как мог. Бабушка мамы уже тогда умерла.

Он не прятался, тетя Валя всё знала... Представь. Но оказалось, что мама была больна. Умирала она у нас дома... И ухаживал за ней не только папа, но и тетя Валя. Мама быстро сгорела, мне не было еще и года... Потом она меня поднимала, вырастив уже своих четверых, понимаешь?

Я узнал обо всем этом незадолго до окончания восьми классов. Осталась только одна мамина фотография, папа ее мне и показал. Остальные тетя Валя сожгла, а эту отец носил с собой, говорил, что на ней — мамина душа. Мама в выпускном платье и с букетом цветов...

Я рос добрым и послушным, но вот родителей простить не мог очень долго...

— Простил?

— Ага, — сказал он, улыбаясь своей измученной улыбкой. — Когда сам вляпался... по уши. Но подожди, я сбился. Сначала я уехал к братьям. Они работали шахтерами. Пили сильно, водили женщин... В общем, я, слюнявый щенок, был там не нужен. А сестры давно уже жили в монастыре. Все они сильно старше меня. Братья меня ещё постоянно называли по-всякому. Их молодость была испорчена моим рождением...

— Ты не виноват...

— Неважно... Их уже нет в живых... — он перекрестился. — А я всё барахтаюсь, расхлебываю. Тогда мне отец посоветовал поехать учиться в семинарию — чтоб меня не травил родня. Он работал и служил до последнего дня и не мог меня защитить... И я, когда окончил школу, поехал в другой город. В семинарию меня приняли. Тетя Валя стала меня перевозносить: мой сын и т.п. Она мне не сообщила о смерти отца. Я даже на похоронах из-за этого не был.

— Слушай... какая дикость невыразимая, — сказала Марина в ужасе.

Он промолчал. И продолжил:

— ...я не доучился. На третьем курсе бросил. К нам приезжал туда в гости архиерей, который был весьма смелым в выборе будущих попов. Вот и наведывался к проректору семинарии, с которым дружил: ему нужны были кадры, так сказать.

Ну, я сам бросился к нему. А, что, говорит, за пожар, мальчик? Учись! Я начал ему пороть горячку: мол, всё сделаю, только рукоположите, владыко... Он сказал: ладно, только женись. Один ты, такой шепутной, с ума сойдешь и сопьешься!

А я в семинарии уже познакомился с одной красавицей. Просто пошёл к ней тем же вечером, отпросившись у начальства.

— Милая, говорю, ты станешь моей женой? Да или нет?

Она ответила: да.

Мы почти совсем не знали друг друга. Ее мать терпеть не могла, когда я появлялся, но я ей сказал, что скоро буду попом. И она, сжав зубы, согласилась. Ой, што тут началось: моя дочь матушка, зять — батюшка!..

Нас обвенчали в семинарском храме, и я уехал. Не было меня долго. А мои сестры, мачеха и мать Дуни переехали сюда одной семьёй. Я не думал об этом. Думал, мы с Дуней там потом жить будем, где меня поставил служить владыка. А там не получилось... пришлось вернуться и служить здесь. Меня здесь хорошо приняли, всю жизнь здесь и прожил свою поповскую.

— Эх, — вздохнула Марина. Сердце сжало, как тисками. Она чувствовала, что он не говорит всего. Потому что это было бы слишком тяжело и долго.

— Как тебе помочь? — спросила она.

— Мне? Мне не надо помогать, у меня всё хорошо... А ты как? Тебе легче в этих краях?

— Да... — ответила она. — Конечно.

— Не вези меня дальше. Я пешком дойду. И ты это... звони, если что. Давай благословлю.

Он перекрестил ее и положил ладонь на голову Марины.

— Где у тебя крестик-то?

— Я его не носила никогда... Я вообще не хожу в церковь обычно...

— Так носи... ходи... чего же ты?

— Не знаю...

Он положил ей руку на плечо.

— Чего тут знать? Приходи, ты знаешь куда. Давай, пока...

Марина вернулась домой.

Она пыталась думать о Боге, осознать сказанное священником лично ей, но мысли улетали вслед за теми событиями, которые он описывал так грустно и спокойно. Ей было жаль его. И чтобы не огорчать батюшку, она приехала в храм за крестиком на следующий же день.

Увидев ее, отец Георгий очень обрадовался.

— Ну вот! Молодец!

— Какой лучше? — спрашивала она.

— Выбери любой. Главное, чтобы тебе нравился!..

Такой он ее и запомнил. Она уехала на выставку в Москву.

А к нему приехала родня.

Марина всё время думала о нём, даже во время выставки написала сообщение. Но он не отвечал. Она позвонила. Ничего.

После выставки нужно было скорее снова на дачу. Сестра рвала и метала. Время идёт, покупателей не видно.

Выставка прошла удачно. Ей хотелось рассказать всё бабушке, поделиться с ним. И она помчалась назад сразу, как только смогла. Отправилась в церковь, потому что бабушкин номер не отвечал.

Но все было закрыто, никого не было. Она поехала к дому, но туда не хотелось.

«Домой слишком рано и пусто... С тобой слишком поздно... и грустно», — зазвучало в голове.

Невыносимая тревога охватила её, она свернула в сторону поля. Проехав до оврага, оставила машину и побрела через него к лесу, вышла к реке. Какое ужасное одиночество. Как же она прожила в нем столько лет? А не было ли ей одиноко и в браке? Вдруг всё накренилось и стало сыпаться, как пешки с доски — в океан сомнения. Всё привычное потеряло смысл и свои места.

Она оглянулась по сторонам. К ногам тихо опустилась первая волна вечерней прохлады. И вдруг чуть дальше, у речушки, мелькнули знакомые клеточки.

Она бросилась туда, как сумасшедшая.

— Бабушка, — закричала она.

— А, привет, — ответил он таким голосом, как будто всё это время они сидели рядом. — Ты чего?

Дыхание у Марины сбилось.

— Это ты чего?! Я звоню, звоню...

Она бросилась к нему на шею и крепко обняла. От него пахло алкоголем, солнцем, полевой травой и цветами. Он закрыл глаза и глубоко вдохнул.

— Зачем я тебе? — спросил он тихо, освобождаясь от тонких, но сильных рук.

— Не знаю. Это неважно. Я вижу, что тебе плохо... А еще... — она вся задрожала, — я знаю, что вместе нам будет хорошо. Давай просто уедем...

— Маришка... ну ты чего? Ты сумасшедшая... Ты не понимаешь...

— А ты? Ты — понимаешь? — спросила она и взяла его за руку. — Давай, говори.

— Я не могу... Я смотрю на тебя и забываю слова. Не надо, не начинай... Жена моя ушла в монахини, потому что я алкаш. Я много лет без женщины... Не подходи лучше, — он дернул руку. Но она не сдавалась.

— И я одна, восемь лет. Что дальше?

— Отпусти, а, — сказал слабым голосом. — Прошу тебя.

— Давай скорее уедем... у нас будет новая жизнь... Эта у нас получилась дерьмово, Георгий...

Его рука обмякла в ее маленьких горячих ладонях. Он шагнул ей навстречу. Они крепко обнялись. Он почувствовал ее дыхание на своём плече.

— Я не знаю, кто ты... Но ты мне родной.

— Ты мне тоже...

Она заплакала. Отчаянно, как ребенок. И схватила себя за волосы.

— Маришка, ты чего?!

— Прости... Такого еще не было. Я обычно справляюсь. Прости...

— Ну-ка присядь...

Они сели рядышком на траву. Впереди, чуть ниже, поблескивала речушка. Воздух пах ее пресной студеной водой. Но им было не до пейзажей, не до ароматов.

— Знаешь, что со мной было, когда я понял, что жена — больше не моя жена?..

Он обнял её.

— Ты поймешь...

— Не знаю...

Она положила голову ему на плечо. Они слушали дыхание друг друга и держались за руки. Вокруг был целый прекрасный мир.

— Я тогда чуть с ума не сошел... и было это всё на виду у всех...

— Пожалуйста, поезжай со мной, — кротко сказала Марина.

Он ещё крепче обнял ее, и она услышала, как сильно бьется его сердце. Тогда он стал гладить её по голове, словно маленькую девочку.

— Маришка, ты такая дурешка. И такая красавица. Я влюбился. Вот дурак. Мне конец.

— Перестань. Ты не дурак. Просто мы с тобой оба несчастные люди.

Однолюбы, к тому же... — она говорила и слышала эхо своих слов в нём. — Знаешь что, батюшка? Одно из двух — либо мы начинаем другую жизнь, либо... Уже пришла старость...

Она подняла глаза, чтобы видеть его лицо. Он был удивительно красивым в этот момент, и хмель в глазах только подчеркивал эту красоту. Она радовалась за себя. Она была уверена — никто не понимает этого.

— Перестань смотреть на меня такими глазами.

— Я художник. Я не могу перестать.

— Эх ты... художник... — он погладил ее по щеке тыльной стороной руки и улыбнулся грустно и нежно. — Может быть беда, художник ты мой...

Они молча смотрели друг на друга.

— Какая же ты красавица... — с трудом сказал он.

Черные брови орлиными крыльями разворачивались от тонкой переносицы над большими глазами. Они были карие с зелеными крапушками — необыкновенно красиво. Длинные ресницы, тонкие маленькие губки и худенькое личико, всё в слезах, с крошечными морщинками вокруг глаз...

Черные волосы едва доставали прямыми прядями до тонкой, длинной шеи. Плечи Марины были невероятно хрупкими, и сама она была настоящей дюймовочкой.

Как он жил без неё столько времени и почему так внезапно, всё так внезапно и неловко? Он взял ее за руки и поднес их к губам.

Она закрыла глаза, потому что голова у неё закружилась сильнее, чем на самых больших каруселях в детстве.

— Солнышко... не надо...

Они легли рядом на траву и затихли, держась за руки. Небо над головами этих двоих синело и углублялось. Потом стали зажигаться звезды, а они, казалось, летели к ним.

— Давай решим завтра? — спросил отец Георгий. — Видишь? Я пьян...

— Как скажешь, — сказала она, снова глядя на него. Она прикоснулась к его лицу. Он закрыл глаза, и ресницы черными стрелками разлетелись по щекам, исчерченным морщинами. Она провела пальцем по горбинке носа, погладила ладонью высокий, с залысинами, лоб. Он почти не дышал — не смел — и вздрагивал, как ребенок во сне.

От мысли о том, что много лет он не имел даже руки, которую сжать в ладонях, ей хотелось громко и отчаянно рыдать. Но было некогда.

— Надо домой, — сказал он решительно. — Я позвоню утром.

Они поднялись и побрели к домам. Его — был совсем рядом, она проследила, чтобы он дошел до калитки. И скрылся за ней.

«Он не позвонит», — подумала Марина и сердце стало рваться и метаться от боли.

Она проплакала всю ночь. Написала ему несколько сообщений. Часа в четыре утра он ответил: «Успокойся, я никуда не денусь. Спи».

Она заснула. От бессилия.

Утром дрожащими руками схватила телефон. Стала звонить. Опять ничего. Написала. Молчание. Она собралась и поехала в церковь. Там в то утро был незнакомый священник.

Увидев Марину, бабулька-свечница подошла к нему и что-то шепнула. А еще несколько человек, которые уже видели Марину, смотрели на неё... Или ей кажется?

Она вернулась домой. Слонялась из угла в угол с чашкой кофе в руке. Ничего, ничего, ничего. До самого вечера.

Уже около восьми у неё зазвонил телефон. Ура! Это он. Схватила трубку.

— Здравствуйте, вы Марина? — сказал чужой голос.

— Да, это я.

— Ваш номер — единственный, на который звонил отец Георгий. Он пропал сегодня рано утром. Вы не знаете, где он бывал в последнее время?

— Я его видела вчера вечером... А вы кто?

— Я его друг. Он одно время служил у меня в городе. Здесь рядом его супруга, родные. Но никто ничего не знает...

Меньше чем через час жена отца Георгия и его теща с мачехой приехали к тому месту, где вчера они вчера расставались с бабушкой. На другой машине приехали двое помощников из прихода. Она их уже видела, отец Георгий называл их «алтарники».

Марина с трудом вышла из машины.

— Идите за мной. Я покажу, где мы встретились вчера.

Она пошла к тому месту. Все остальные шли сзади.

Она настолько страшилась, что с ним случилось что-то ужасное, что ей было всё равно, что думают все эти люди.

Они полчаса бродили вдоль реки. И вдруг Марина увидела его — близко к воде, под ивой, мелькнули клеточки его рубашки. Она бросилась туда, не подав голоса. Осока примялась вокруг него. Отец Георгий лежал с запрокинутой головой. Она упала на колени рядом, прижалась лицом к его щеке и крепко обняла.

Он дышал. Тяжело и глубоко. Он просто был пьян, бутылка лежала рядом. Она попыталась его поднять, но совсем не получалось.

— Он здесь! — закричала Марина странным, изменившимся голосом. Сама так и осталась стоять рядом на коленях.

Подбежали мужички, отец Алексей, а следом подтянулись родные отца Георгия. Они наблюдали со стороны.

— Отойдите в сторонку, — скомандовал Марине священник.

Отец Алексей схватил отца Георгия и закинул его руки себе на плечи. Двое хлопцев помогали его тащить назад.

— Опять нажрался, скотина, — услышала Марина. Это сказала жена отца Георгия. Было видно, что она безумно устала от жизни. Марина уже вполне понимала, что к чему. И чувство ужасающей безысходности навалилось на неё со страшной силой.

Однако она преодолела себя и подошла к отцу Алексею, когда они положили отца Георгия на заднее сиденье его машины. Хлопцы согнули ему ноги, чтобы закрыть дверь. В это время рука, которой он вчера обнимал ее, упала вниз на грязный автомобильный коврик.

Дверь захлопнулась.

— Чем ему можно помочь? — спросила Марина в отчаянии.

— Ничем. Его надо срочно в больницу на детоксикацию. Он может умереть в любой момент. Очень слабый уже организм...

— Я могу отвезти его. В Москву, в хорошую клинику.

— Так это и будет хорошая клиника. В Москве, — прозрачно-водянистые глаза посмотрели на нее в упор. — Я оплачу. На месяц вперед, — добавил отец Алексей.

— Ясно... — ответила Марина.

Она села в машину и посмотрела в окно.

— Пока, родной... Я не успела.

Ей больше нечего было здесь делать. И она завела мотор. Никогда еще ей не было так трудно вести машину.

Дома она всё закрыла, убрала. Удалила объявление о продаже. Сняла с себя крестик, убрала его в ящик стола. И уехала.

На ночной дороге в Москву она много раз останавливалась. От слез она не видела, куда едет.

Уже на следующий день она отправилась в Питер, к своей подруге. Они редко виделись, и Лара обрадовалась. Лара была переводчицей с

итальянского — эмоциями ее было не удивить. Именно она поговорила с сестрой Марины насчет дачи. Мол, ну не получилось ее продать.

В первые дни в Питере Марина молчала. Когда ей хотелось плакать, она уходила в кафе за углом, где бармен сам подносил ей гигантскую чашку капучино.

Слезы капали в пенку капучино и дырявили ее. За окном была набережная, мосты, над ними небо. А Марина была ещё там, в их лесу, у их реки.

В кафе она видела за столиком одного и того же человека. Он был неброско, но по-европейски стильно одет, неизменно сидел в наушниках и с ноутбуком. Он почти облысел и был седым, слегка полным, зато у него была очень опрятная эспаньолка. Грустные глаза иногда посматривали на Марину из-под поседевших бровей и ресниц.

Марина в конце концов нарисовала его в блокноте. Вырвала листик и отнесла ему. Он вынул наушник, поднял глаза. Улыбнулся — как-то на одну только сторону. Но это было здорово.

И началась другая история — очень счастливая, поверьте мне.

Иногда, правда, Марина просыпалась ночью в слезах, потому что ей снился вечер в лесу. Но это прекратилось. Её сестра поручила продажу дачи местным агентам недвижимости, и ее довольно быстро продали. Когда сестра прилетела на сделку, то быстро узнала об отце Георгии. Правда, опять Марина схлопотала от старшенькой пару ласковых. Тем не менее, всё стало известно.

Тогда, после больницы, отец Георгий уехал к митрополиту в областной центр. Служит при нём, живя в монастыре. Там за ним приглядывают монахи, потому что он по-прежнему сильно пьёт. Узнав это, Марина написала ему. Он позвонил. Она поговорила с ним несколько минут, сказала, что вышла замуж.

— Да? Рад за тебя. Я тоже счастлив. Здесь я на своём месте и мне больше никто и ничто не нужно.

— Правда? Ну, хорошо...

На Рождество она отправила ему теплое поздравление. Он ответил: с праздником, всех благ!

Больше она ему не писала.